ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

1

В одно из январских воскресений 28-го года мы с отцом продавали на ярмарке в станице Багаевской пару бычков-двухлеток. Скота на ярмарке было много, но не меньше было и покупателей, особенно перекупщиков-барышников. Они ходили по ярмарке между скота и в одиночку, и парами, и целыми группами. Сбивали цены. Дав явно заниженную цену, уходили, потом возвращались, немного набавляли и, не получив согласия, уходили к другим.

Так было и с нашими бычками. Но потом я заметил, как наш упитанный товар привлёк особое внимание двух не менее упитанных, красных от водки и мороза, барышников, одетых в новые романовские полушубки. Они несколько раз подходили к нашим дрогам, десятки раз на ощупь определяли качество пугливо жавшихся друг к другу животных, скупо набавляли рубли к первоначально данной цене и уходили. Я сказал об этом отцу.

- Да вижу, - усмехнулся отец, - значит, бычата наши неплохие. Десятки две-три ишшо накинут!

- Ведь хорошо даём, станица! – опять, в который уже раз подошли те двое. – Вот возьми ещё красненькую и по рукам!

- Ишь вы, бедовые какие! – не сдавался отец. – Две красненькие с синенькой (25 рублей) - и магарыч ваш.

- Да ты, видим, парень не промах! Вот возьми вдобавок к тем красненькую с синюхой (15 рублей) - и по рукам! Ну, что? Бери, пока даём, пока деньги платим, а то дождёшься, что отберут так, безо всего – за понюх табака!

- Как это отберут? Кто это отберёт? Не вы ли, случаем?

- Зачем мы? Мы платим гроши по-честному. Хорошие деньги платим. А отбирать будут другие. И спрашивать не станут. Среди белого дня, прямо с базу. Вот послушай, что говорит базар.

Правда, и до базара и до станицы уже доходили мутные слухи о какой-то перестройке веками сложившейся жизни. Но что за перестройка, как она будет происходить, никто толком объяснить не мог. В основном, это были слухи о том, что всех мало-мальски крепких хозяев будут в принудительном порядке переселять из станицы на окраины станичного юрта, на освоение свободных целинных, земель. Чтобы там эти хозяйства занимались только производством зерновых культур и не знали больше ничего – никаких виноградников, ни огородов, ни луговых сенокосов. А это для станичников, живших в основном за счёт виноградных садов, было равносильно погребению заживо.

Быки были проданы хорошо, магарыч распит за счёт покупателей, но возвращался отец домой вконец расстроенный. Потолкавшись по базару после магарыча, он услышал нечто неправдоподобное. Как одиннадцать лет тому назад, так и сейчас ходили слухи один хуже другого. Опять, как и тогда, шёпотом передавались друг другу вести одна страшней другой.

2

Прошло девять лет с тех пор, как окончилась гражданская война и гордому казачеству пришлось склонить свою выю перед сермяжной Русью. Как напроказивший

шалун ждёт от взрослого возмездия за содеянную шалость, так и казачество, в частности, наша станица, с трепетом душевным ожидала в первые годы советской власти все десять египетских казней за вольные и невольные свои грехи перед нею. Но всё сошло благополучно. «Лапотная» Русь зла не таила, и станица отделалась лёгким испугом. Арестовали только одного казака, бывшего станичного атамана и члена бывшего Донского Белого Круга Назара Александровича Морозова. Он был сослан на Соловки на три года не так за атаманство, как за свою депутатскую деятельность в белом Донском парламенте. Но на этом всё остановилось, и станица зажила по-прежнему. И даже тех, кто воевал против советской власти до «победного конца», а потом, не сдавшись, убежал за границу, даже и тех простила советская власть и разрешила, не боясь ответа, возвратиться на Родину.

Каждый станичник, как и до революции, стал обрабатывать свой виноградник и пахать свой, теперь уже не паевой, а душевой надел земли, наделённый теперь не по старинным, традиционным паям только на мужскую совершеннолетнюю душу, а на каждого едока независимо от пола и возраста. Скотом стали обзаводиться не только в довоенных размерах, а ещё больше. В станичных и городских лавках стали торговать «красные» купцы, которых называли ещё по-чудному – нэпманами. Так же, как и раньше, проходили церковные службы, праздновались все праздники, водились компании. Так же, как и всегда, женились с венчанием в церкви и несколькими сутками гулянок на свадьбах.

В общем, стало так же, или почти так же, как и было до революции. А это «почти» выражалось в том, что теперь не провожали ежегодно, как в старое время, казаков на военную службу на своём коне, со своим снаряжением, обмундированием и холодным оружием. Да и службы-то почти не было. Призывные возраста брали только раз в году на один месяц на военные сборы в Персияновские лагеря. Одну часть казаков, в основном, стариков, это настораживало: «Не доверяет нам советская власть, боится давать оружие в руки». Другая часть – фронтовики, козыряли этим: «Вот смотрите, какая она есть эта советская власть, даже отменила военную службу».

Кроме того, казаки стали платить налог, чего раньше совершенно не знали. Но налог обременительным не был. Назывался он сельскохозяйственным, и размер его был значительно ниже стоимости затрат на коня и экипировку дореволюционного служивого.

Была ещё разница между старым и новым, насторожившая казаков. Станицы стали называть не станицами, а слободами, как мужичьи селения на Дону. Но это название не привилось. Просуществовав с год, оно незаметно сошла на прежнее название – станица.

Ну, и последняя разница – это, как я уже сказал раньше, надел земли стали производить не на паи и только на одну взрослую мужскую душу, а на все души, независимо от пола и возраста. Но эта разница казакам-станичникам, особенно многосемейным, была только на руку. Кроме того, землю наделили всем. Не только казакам, но и бывшему неказачьему сословию – иногородним, на которую они и при царизме, и при правительстве белых на казачьих территориях права не имели.

Первые два года советской власти станичников пугало и настраивало против неё почти бесплатное отчуждение в пользу государства всех излишков сельскохозяйственной продукции, называющееся продразвёрсткой. Потом это отменили, и всё стало совершенно свободно продаваться и покупаться на базарах.

- Так против чего же мы боролись? Ради чего и ради кого проливали почти три года кровь? – сокрушались старики-казаки, ярые противники большевиков в минувшую гражданскую войну. – Смотри, как нас обманули тогда господа генералы, какие нам сказки рассказывали про большевиков! А при них жить можно! Да ещё как можно!

- За что же боролись? За что почти три года проливали кровь, если всё осталось по-старому, кроме царя, генералов да атаманов? – роптали осторожно те, кто воевал в

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

гражданскую войну в Красной армии. – Ермак как жил буржуем, так им и остался. Салан как имел гурты скота и работников, так и сейчас имеет. Как жилил батрацкое жалованье, так жилит и сейчас. Ёрш как наживался на бурде (поддельное виноградное вино), так наживается и сейчас. И эти Ермаки, Саланы да Ерши (станичные богачи) были против советской власти, а мы воевали за неё. Одну несчастную десятину и ту нечем вспахать и нечем засеять. А они как засевали по десятку десятин, так и теперь засевают да ишшо самые лучшие земли позахватывали. Вот тебе и добились «освобождения» своими собственными руками! Эх! Был бы жив покойничек Ильич, он бы не так провернул! Он бы этим буржуям давно рога посворачивал! Он бы им показал, как смеяться над нашим братом-бедняком!

3

В одну из февральских ночей 28-го года органами ГПУ был арестован Анкин отец, Денисов тесть – дядя Христофор Петрович Киселёв – и осуждён на десять лет Соловков.

Этот арест и десять лет ссылки неизвестно за что сначала оглушил станичников, как внезапный выстрел из ружья под ухо, тем более что Христофор Петрович не очень-то был рьяным борцом против советской власти. Назар Александрович хоть был станичным атаманом, а потом, пусть и третьестепенным, а всё же членом белого Донского правительства. А этот – никто, простой казак, всеми правдами и неправдами уклонявшийся от фронта против красных в гражданскую войну. И вот, первый получил всего три года, а этот – десять лет!

И теперь каждый станичник стал с трепетом ждать полуночи и страшного стука в забор или в дверь куреня. Но прошло немного времени, и в станицу просочились слухи, что Христофор получил такой большой срок за укрывательство крупного белогвардейца, бывшего станичного атамана станицы Кагальницкой, своего полчанина по действительной службе. Этот полчанин, чувствуя за собой какие-то тяжкие грехи перед советской властью, скрывался от ответственности и бродил из станицы в станицу. Одно время он жил в саду Киселёвых за станицей. Потом всё же попался и на допросе выдал всех своих покровителей.

Узнав это, станичники вздохнули. Вроде, подобных грехов ни у кого не было. А Христофор, значит, влип не зря.

Но не успели станичники успокоиться, как по станице поползли новые, совпавшие с нашей поездкой в Багаевскую упорные слухи о том, что скоро всех будут насильно загонять «в коммунию», что земля у всех отберётся. Но отберётся не совсем, а для того, чтобы её обрабатывать сообща, всей станицей. Что курени поломают, настроят из них общих бараков и всех сгонят жить в эти бараки. Что помимо земли и куреней, отберут и сады, и скот, и кур со свиньями. Что будет всё общее, даже бабы. Что все будут спать под одним общим одеялом и не разберёшь, да и не надо будет разбираться, твоя это жена или кума Петра, или соседа Ивана. Что есть будут все из одного котла, как в армии. А стариков, которые ни на что не способны, будут убивать и варить из них мыло.

- Да какое же из деда Волчка мыло, когда он – одни кости да кожа? – сомневались одни.

- А если я, к примеру, люблю щи, а ты, скажем, галушки, а он лапшу с курятиной, а ещё кто-то – кондёр, тогда как? – тревожно задавали друг другу вопросы станичники и не находили на них ответа.

- А вот мне интересно знать, - говорил какой-нибудь дед, - вот, скажем, работаем мы коммунией все вместе в открытой степе или, скажем, в займишше, и вот, к примеру,

я захотел до ветру, а тут, как никак, чужие бабы. Или, скажем, захотелось то же самое бабе, а кругом чужие казаки. Как тогда? Что делать тогда?

Кругом хохот:

- Вот чудак-человек! Да какие же чужие, когда все под общим одеялом! Под одеялом-то ты, небось, никому не чужой и бабка твоя никому не чужая. Ведь ты всем будешь муж, а бабке твоей будут мужьями все казаки. Вот ты, когда захачиваешь до ветру при своей бабке, ты дюже стесняешься? – резонно и вроде серьёзно отвечал кто-нибудь деду.

Обескураженный таким простым доводом, дед чесал затылок:

- Так-то оно, вроде, и так, а разобраться, то и не так, а как-то по-собачьи.

- Господи Иисусе Христе! – крестились перепуганные казачки. – Да что же это такое? Тут своему не рада, одному, а то разом навалится целый десяток!

- Да что вы, дуры, верите всякой брехне?! Курочка ишшо в гнезде, а яичко ишшо где-то, а вы уже беспокоитесь. Ничего, не сотрётся! – стараясь свести всё в шутку, смеялись с жён мужья.

- Одному Арсияну да ишшо Никитке будет лафа при такой житухе, - шутили другие, намекая на двух станичников, заядлых бабников.

- Мокрохвостки и без общего одеяла знают, как обделывать свои делишки!

- Значит, не зря говорили старые люди, что скоро народится анчихрист и тогда – конец белому свету!

- Да-а-а! Шутки шутками, а хвост – на сторону! Нет дыма без огня! – вздыхали уже по-серьезному станичники, и на душе у каждого становилось всё муторней и муторней.

4

Вскоре после таких слухов в станицу из города всё чаще и чаще стали наведываться разные городские представители. Всё чаще и чаще стали собирать общие станичные собрания, на которых эти представители хотя и высмеивали «общее одеяло», но говорили что-то близкое к этому – о сплошной коллективизации сельского хозяйства, об объединении земли, рабочего и продуктивного скота, виноградников, инвентаря, птицы, свиней, крупных хозяйственных построек и амбаров.

- Поймите, товарищи станичники, жить так, как вы жили до сегодняшнего дня, дальше нельзя! – взывали они со сцены станичного клуба. – Правда, некоторые из вас живут хорошо, может, даже лучше, чем при атаманах. Но ведь таких немного – единицы! А большинство живёт ещё в нищете, хуже даже, чем при царе.

- Потому что лодыри и лежебоки! – перебивали оратора обозлённые голоса. – Любят только поспать, а после сна отсыпаться где-нибудь в холодке! У них, видите ли, от солнышка голова болит! Да вот зачем нам далеко ходить? Была у нас такая коммуния, показала себя, насмотрелись!

- Подождите, товарищи, дайте высказаться мне, а потом берите слово и говорите, сколько кому влезет!…Так вот, не для того делалась Великая Октябрьская социалистическая революция, чтобы мы как хлебали лаптями щи, так и остались бы хлебать ими. Чтобы опять были богатые и бедные. Власть трудового народа за то, чтобы жили зажиточно все, а не отдельные единицы. Но путь к такой зажиточной жизни для всего трудового крестьянства, для всех хлеборобов – батрака, бедняка и середняка – пятнадцатый съезд нашей партии наметил не через индивидуальное хозяйство, а только через коллективное, через обобществлённый труд, через объединение всех средств сельскохозяйственного производства… И так далее и тому подобное.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Это значит, отдай жену дяде, а сам иди к… Он, бедняк, будет сидеть в холодке, а я отдай ему быков да ишшо работай на него за здорово живёшь! Да ему хоть самую лучшую землю дай, хоть золотом её засей, а вином поливай, он всё равно, как был лодырь, так им и останется! Хорошенькое дело! А вот этого с прибором не хотели?!

В зале смех.

- Тише! Просим не выражаться, а то попросим с собрания! – звенели колокольчиком со сцены.

- Пожалуйста, уйдём сами! Я и забыл, что не имею голоса!

Товарищи! – продолжал оратор, когда шум понемногу стал утихать. – В таком объединённом хозяйстве трудиться обязаны будут все. Вот там-то как раз и применится на деле великий принцип нашей социалистической революции – кто не трудится, тот не ест.

- Да, конечно, там-то они будут трудиться, но смотря где. Ведь вы с ними носитесь, как дурень с писаной торбой. А раз так пестуетесь, то обязательно поставите их какими-нибудь начальниками над трудягами. А вот нехай он в поле, да на солнышко, да с самого утра и до самого позднего вечера! Вот нехай так повкалывают!

- А вы бы, чем уговаривать нас, взяли бы да сами сорганизовались, да и показали бы нам на примере, как оно работается в этой собачьей свадьбе, - кричал другой голос, прячась за спины, чтобы не заметили.

Парируя на крики и реплики тем, что это орудуют кулаки и подкулачники, ораторы долго и помногу говорили об основных принципах коллективизации, о могучих машинах, которые скоро придут на смену коню и волу, о межах, которые несовместимы с мощностью машинной обработки земли. Говорили о шептунах, о подрывной деятельности кулаков, о колеблющемся середняке, о бедноте и призывали начинать организовывать крупное коллективное хозяйство в масштабе всей станицы из пятисот с лишним дворов.

После ораторов брал слово кто-нибудь из битком набитой аудитории. В основном, это были умевшие и любившие поговорить на всяких станичных собраниях – Алексей Никифорович Мордвин, несколько раз избиравшийся по рекомендации окружных властей председателем различных станичных организаций и даже председателем совета, и Фёдор Тихонович Янкин, по кличке «Рябой». Оба они в своё время учились в Новочеркасской ветеринарной школе, слыли потом неплохими коновалами, оба выписывали газеты, считались людьми умными, начитанными и, как я уже сказал, умели и любили поговорить.

Ловко лавируя между докладами ораторов из города и настроением собраний, осторожно обходя политические зацепки, жонглируя цитатами вождей, они пытались доказать недоказуемое, говорили о преждевременности, а следовательно, и нежизнеспособности предполагавшихся мероприятий, ссылаясь одновременно на пример Бессергеневской коммуны.

Дело в том, что в 1923 году в станице, по совету города, была организована сельскохозяйственная коммуна из двенадцати бедняцких и маломощных середняцких хозяйств. Дворы этих хозяйств были разбросаны по всей станице на большом расстоянии друг от друга. Но, облюбовав один из дворов коммунаров, обобществили всё, кроме жилых хат.

Коммуне этой выделили, по предписанию из города, самую лучшую, в одном месте и вблизи станицы землю. И Округ первый год помог ей семенами и кредитами, а потом предоставил её самой себе и совершенно перестал ею интересоваться. И вот, вместо того, чтобы как следует, серьёзно заняться тем, для чего объединились, то есть сельскохозяйственным производством, председатель коммуны Савченко, неизвестно откуда появившийся в станице после гражданской войны, решил сначала заняться укреплением финансового состояния коммуны. Для этого все обобществленные лошади в количестве восьми голов, шесть самых исправных телег и шесть самых

здоровых коммунаров были выделены на извоз в Новочеркасск и Шахты. Оставшимися двумя парами волов и двенадцатью коровами остальные коммунары стали обрабатывать около шестидесяти десятин пахотной земли и столько же десятин сенокоса в лугу, не считая огороды и виноградники.

В результате – неуправка везде. Земля распахивалась кое-как и не вся. Скошенное, но не убранное вовремя сено гнило в валках и копнах. Волы и коровы от перенапряжения и недогляда тощали, коровы от изнурительной работы и истощения не телились и не давали молока. Кое-как, наспех обработанные весной виноградники зарастали летом бурьяном и, во- время не опрысканные ядохимикатами, погибали от милдью. Инвентарь не ремонтировался и выходил из строя. Извоз из-за бесконтрольности и недобросовестного отношения шестёрки извозчиков не только не приносил никакого дохода коммуне, а наоборот, требовал ещё дотации в виде фуража. Хозяйство хирело, приходило в полнейший упадок и стало объектом непрерывных ядовитых насмешек со стороны станичников как наглядная против «коммуний» агитация. Просуществовав кое-как четыре года, коммуна поделила между своими членами оставшийся инвентарь и скот и распалась.

Вот на эту-то организацию и кивали теперь станичные оппоненты городским ораторам. А те старались разъяснить разницу между коммунами периода военного коммунизма и первых лет советской власти и организуемыми коллективными хозяйствами, сокращённо называемые «колхозами, сейчас. Но их плохо понимали и слушали мало. Страсти разгорались. Собрания делились на две партии. Чувствуя поддержку властей, беднота смелела, выкладывала все свои претензии и припоминала все обиды – захват богатеями вот уже теперь, при советской власти, всех лучших земель, припоминали насмешки, спесь и высокомерие по отношению к бедноте иногородних.

После бурных легальных собраний станичники расходились и устраивали свои, нелегальные небольшие сходки с одним и тем же наболевшим вопросом – что же делать? Жаль, до вооружённого сопротивления было жаль отдавать в общий котёл нажитое дедами и отцами. Жаль было этих «Васек» и «Мишек», «Бурёнок» и «Машек», «Лысых» и «Рябых». Возникало недоумение и растерянность.

Потом стали проникать слухи, что этому нововведению противятся не только бессергеневцы, заплавцы и другие казачьи станицы и хутора, но даже и мужичьи слободы, то есть те, кто с радостью ждал прихода советской власти как защитницы от притеснения казаков. Что не одно казачество подвержено такой невиданной пертурбации, а вся Россия. Что этой невиданной ломкой всего старого, привычного недовольны все. Что стоит только где-нибудь затлеть малюсенькой искорке, как по всей России-матушке полыхнёт пожар, восстанет вся Россия и прогонит зачинщиков этих коммун – коммунистов.

А тут ещё подлило бензина в огонь и то, что к концу 29-го года через станицу в город стали чуть ли не каждый день гнать из-за Дона этапы арестованных. Это были не какие-то бандиты, конокрады, налётчики, воры, убийцы, грабители. Это были самые обыкновенные хлеборобы, число которых – легион. Это были те, из которых состояла трудовая Россия – труженики с заскорузлыми, в мозолях, руках, с обветренными, небритыми, не- холёными лицами. Это были люди в простых, рабочих сапогах, в крестьянских поддёвках, стёганках, брезентовых дождевиках, ватниках, куртках, в обыкновенных крестьянских капелюхах, с харчами в простых травяных мешках. Тут были и казаки, и «иногородние». Среди них были и зажиточные, и бедняки. На вопросы, за что их арестовали, они глухо и скупо отвечали:

- Продавал на базаре свой хлебушек.
- Не отвёз в общий амбар свои семена.
- Не повёз в общий сенник своё сено.
- За якусь агитацию, чи шо, против колгоспив.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Не заплатил тракторного налога.

- За то, что продал рабочего коняку на налог.

И хотя в станице ещё не было ни одного такого случая, станичники совсем приуныли и пали духом.

5

В январе тридцатого года, несмотря на упорное сопротивление со стороны большинства населения, в нашей станице и смежной с ней Заплавской был организован объединённый колхоз, которому на последнем, организационном собрании было присвоено наименование «Гигант».

Страстные патриоты своей станицы, заплавцы сначала и слушать не хотели ни о каком колхозе, ни об объединении с бессергеневцами. А когда поняли, что это неизбежно, скрепя сердце, согласились, но только на колхоз в границах своей станицы. Но увлечённые гигантоманией районные уполномоченные по коллективизации настояли на своём и добились большинства голосов в пользу «Гиганта».

В этот колхоз, действительно гигант, вошло около тысячи дворов из обеих станиц: крепкие, обыкновенные и маломощные середняки и примерно с полсотни дворов бедноты. Первые две группы середняков вступили в колхоз под страхом принудительного отчуждения в колхоз всей их живности, инвентаря и виноградников. Маломощные пришли в колхоз запросто – всё равно нам терять нечего. И тут же шутили:

- Может, приобретём весь мир.

Беднота отказывалась вступать в колхоз по мотивам: «Как ни хрена не имел, так и иметь не буду! Что в нём, манна небесная, что ли, будет падать с неба прямо в рот? Всё равно ведь придётся мантулить да ишшо из-под палки. Не хочу!»

Из кулаков, а их было выявлено в обеих станицах с полсотни, в колхоз ни один не был принят, хотя они с радостью бы вступили в него, лишь бы избежать того, что, по слухам из города, готовилось в ближайшие дни.

Правление решили избрать на паритетных началах. В правление требовалось семь человек, в ревизионную комиссию – три. На очередном собрании начали обсуждать каждую кандидатуру. Разгорелись страсти. Начались по тем или иным причинам отводы. Припомнились личные счёты, обиды, что-либо порочащее, промашки в своём личном хозяйстве, недобросовестное отношение к общественным угодьям, разные слабости, в числе которых на первом месте - выпивка. Обсуждение кандидатур, вопреки ожиданию, по сравнению с пассивностью, с какой создавался колхоз, приняло очень активный и даже бурный характер. Когда дело дошло до кандидатуры, предложенной одним из городских уполномоченных, кто-то из задних рядов крикнул:

- А это ишшо что за птица? У нас таких нет! А ну-ка, хоть покажите его!

Со второго ряда поднялся небольшого роста, худой, средних лет, рабочего вида гражданин, одетый в сапоги и изрядно поношенное, городского покроя пальто. На шее болтался шарф. Гражданин поднялся на сцену, подошёл к столу президиума и, нервно теребя в руках простую, из чёрной мерлушки шапку, стал рядом со столом. Сначала заговорил уполномоченный:

- Товарищи! Вот он перед вами, представитель нашего славного рабочего класса. Того класса, который под руководством великого Ленина совершил в октябре семнадцатого года Великую Социалистическую революцию. И вот теперь этот наш славный рабочий класс с величайшей готовностью откликнулся и на свершение другой, не менее великой, революции – революции хозяйственной. Почему наша партия предлагает вам, хлеборобам, работникам земли, в ваше правление человека рабочего,

практически не знакомого с сельским хозяйством? Да потому, что этот класс вынес неимоверные испытания в борьбе с царизмом, вышел из этой борьбы победителем и, следовательно, накопил громадный опыт борьбы. Поэтому партия уверена, что и на мирном фронте перестройки нашего сельского хозяйства победа под руководством рабочего класса будет полной. А перестройка сельского хозяйства и переход от отсталого, единоличного, на передовое, социалистическое, это, повторяю, также величайшая, но только экономическая революция, равнозначная политическому перевороту октября семнадцатого года. Предлагаемый мною от имени Новочеркасского райкома партии кандидатом в члены правления впервые организованного колхоза «Гигант» товарищ – кровь от крови и плоть от плоти – рабочий! Рабочий-шахтёр. Фамилия его Сницаренко. Он из Сталино. Это бывшая Юзовка, наверное, вы слышали про неё. Да пусть сам товарищ Сницаренко сам расскажет вам о себе.

- Да, да! Пожалуйста!

По-прежнему теребя свою шапку, Сницаренко подвинулся к самому краю сцены и начал тихим голосом что-то говорить.

- Громче! – крикнули из задних рядов.

- Родился я в 1892 году, - откашлявшись, начал уже громко Сницаренко, - в бывшей Юзовке, теперь Сталино, в семье рабочего-шахтёра. Окончил три класса церковно-приходской школы. С тринадцати лет стал работать в шахте, сначала коногоном, а потом, с семнадцати лет – забойщиком. В 1914 году был призван в Действующую армию, но по слабости здоровья – я, товарищи, был однажды присыпан породой и помят ею так, что еле очухался – так вот, по слабости здоровья всю войну я прослужил пекарем. А когда в семнадцатом году начал разваливаться фронт и полки стали разбегаться по домам, приехал домой и я. А уже через месяц записался добровольцем в Красную гвардию и в конце ноября-начале декабря в её составе наступал на Таганрог и Ростов против Каледина рядовым бойцом в отряде и под командой товарища Сиверса.

Дальше Сницаренко кратко поведал собранию про свою службу в армии всё время в должности политрука роты. В партию вступил в восемнадцатом году. После гражданской войны всё время работал на профсоюзной работе в том же Сталино.

- А по национальности вы кто? – спросил кто-то из аудитории.

- Еврей. И хотя это к делу не относится, дополню – еврей из выкрестов-кантонистов.

Аудитория зажужжала. Послышались приглушённые смешки. Явственно донеслось:

- Вот это здорово! Жида – и в атаманы к казакам!

Конечно, разве еврей будет в окопах? Он то портной, то пекарь, то политрук!

- Он земли этой и не нюхал! У него булки на вербах растут!

- Товарищи! – встал председатель собрания. – Прошу без насмешек и подковырок. Кто имеет вопросы к товарищу Сницаренко? Нет? Тогда слово снова имеет товарищ уполномоченный.

- Так вот, товарищи! Таких, как товарищ Сницаренко, партия отобрала двадцать пять тысяч и направляет их на работу в деревни, сёла, хутора, станицы. Направляет для того, чтобы, повторяю, помочь хлеборобам в организации невиданного ещё в истории производства, как обобществлённое крупное сельское хозяйство. Товарищи эти прослушали шестимесячные сельскохозяйственные курсы. Так что теоретически они по сельскому хозяйству подкованы, не в обиду будет сказано, гораздо лучше, чем каждый из вас здесь сидящих. А практику, надеюсь, подскажете вы. У меня всё!

Больше выступающих не было. Выбрали счётчиков и приступили к голосованию в порядке поступления кандидатур, пропорционально от каждой станицы. Кандидатура Сницаренко была шестой.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

Четыре первых кандидата прошли единогласно. При голосовании пятой кандидатуры, бессергеневца Тихона Михайловича Еремеева, середняка, очень грамотного человека, три было против и около десяти воздержавшихся. Когда председатель выкрикнул фамилию Сницаренко, кто-то из задних рядов крикнул:

- Товарищ Сницаренко, а что такое «чепега»?

- Не «чепега», товарищ, а «чапыга»! Это рукоятка плуга или, по-вашему, буккера! – отпарировал Сницаренко. – Что ещё вас интересует?

В этот момент в зале раздались нестройные аплодисменты в одобрение Сницаренко. В результате он прошёл единогласно, не считая Тишки Харьяна, задавшего вопрос. Это был маломощный середняк, известный шутник, насмешник и балагур.

Таким образом, в правление было избрано семь человек. В ревизионную комиссию – три, в том числе и мой отец.

Собрание было закрыто. Народ стал расходиться, а избранное правление и ревизионная комиссия остались на своё первое организационное заседание, на повестке которого стоял один вопрос – выборы председателя правления колхоза и председателя ревизионной комиссии.

6

По заданию района Сницаренко должен был быть избран не только в правление, но и обязательно его председателем. Представители из города чувствовали, что симпатии всего собрания были на стороне Мордвина, человека не только хорошо грамотного вообще, но и потому, что он был ещё немного агрономом и ветеринаром, правда, с какой-то бумажкой взамен диплома. Скот в его личном хозяйстве был всегда здоров и хорошо упитан, а посевы выделялись от остальных более высокими и постоянными урожаями. Но избранное руководство колхоза – это уже не семьсот-восемьсот человек общего собрания, а только девять (без Сницаренко), и оно сразу почувствовало, чего хочет райком. И поэтому, как только был избран председатель совещания, первым попросил слова один из уполномоченных и предложил выбрать председателем правления Сницаренко, мотивируя его кандидатуру тем же, что и на общем собрании. Ему не дали договорить.

- Товарищ уполномоченный! Ну, что мы ещё тут будем толочь воду в ступе? Не надо нас уговаривать. Мы ведь не маленькие! – перебил его председатель заседания Алексей Никифорович Мордвин, стоявший в списке на голосование первым, середняк из нашей станицы. – Что, мы не понимаем, что ли, что к чему? Пусть председателем будет товарищ Сницаренко. Не возражаете, товарищи?

Сницаренко был выбран единогласно. Все поздравляли его, пожимали ему руки. Он расчувствовался до того, что, попросив слова, с минуту молчал и глотал слюну, словно какой-то комок остановился у него в гортани и не давал говорить.

- Товарищи! – прерывающимся голосом начал он. – Благодарю вас за доверие. Вы оказали доверие не только мне. В моём лице вы оказали доверие нашей ленинской партии, её великим дерзаниям по перестройке отсталого нашего сельского хозяйства. Я не буду вас утомлять, вы устали, устал и я. Откровенно говоря, не так физически, как душевно. А работы у нас предстоит непочатый край. Я вот тут предварительно сделал наброски плана нашей работы. Если не возражаете против задержки вас минут на пять-десять, я зачитаю.

- Просим, просим!

- Первое – все наши работы должны выполняться не скопом, тысячью дворами, а так называемыми бригадами, хотя мы и не воинская часть. Значит, нам нужно определить, каких и сколько бригад нам потребуется на ту или иную отрасль нашего

хозяйства. Для этого следует сколотить эти бригады, наметить бригадные дворы. Распределить по бригадам рабочий скот, инвентарь, земельные участки. Выявить неисправный, требующий ремонта инвентарь и срочно взяться за его ремонт, для чего необходимо буквально с завтрашнего дня приняться за организацию колхозных мастерских и укомплектовать их специалистами-колхозниками. Людей вы знаете. Нужно выявить, сколько и где засеяно с осени озимых вступившими в колхоз гражданами. И так далее, и так далее. А потом готовиться к выезду в поле. Вот видите, товарищи, сколько работы? Время не ждёт, не за горами весна. А я хоть и рабочий, не хлебороб, но знаю, что хлеб, в основном, сеется весною.

Все засмеялись.

- Кроме того, товарищи, насколько мне известно, у вас…

- У нас, - подсказал кто-то.

- Извините, ошибся, - у нас. У нас имеется около двухсот гектаров объединённых виноградников, которые требуют таких же, если не больше, забот и внимания, как и степь. Хотя усилия нашей партии и правительства направлены, в первую очередь, на решение зерновой проблемы, но такие отрасли нашего хозяйства, как виноградники, огороды, сенокосные угодья в поймах Дона ни в коем случае со счетов сбрасывать нельзя. Это тоже наше богатство…В общем, так, товарищи, давайте распределим между собой обязанности, выберем председателя ревизионной комиссии и разойдёмся. А завтра, не позднее восьми утра, соберёмся. Прошу без опозданий. Повторяю – время не ждёт!

Председателем ревизионной комиссии выбрали моего отца.

- Видать, голова! – восхищались Сницаренко, расходясь, члены правления и ревкомиссии. – Как будто бы он целый свой век тем и занимался, что работал в колхозе. Вот тебе и еврей!

- В общем, дожили, казаки: попали жиду под каблук, - буркнул из темноты вроде шутки один из заплавцев.

На него шикнули.

7

Сплошная коллективизация застала меня работающим счетоводом в местном филиале районного сельскохозяйственного товарищества, куда меня пригласили в начале 29-го года распутывать запутанный случайными, непостоянными конторщиками учёт.

Через год после женитьбы, осенью 24-го года, у нас с Наташкой родился первенец, сын, которого мы назвали в честь прадеда Григорием.

В день его крестин, когда дед Тарас на радостях закатил пир на весь мир, было отчётно-выборное собрание пайщиков станичного потребительского общества, на которое, по случаю семейного торжества, ни счастливый дед Тарас, ни во сто крат счастливый отец новорожденного, то есть я, не пошли, хотя пойти были обязаны, так как мы оба были пайщиками. Несмотря на это, меня заочно выбрали в члены правления этого общества. Что это означало в условиях нашей станицы? Это означало то, что с завтрашнего дня я должен был становиться за прилавок магазина и торговать, не имея совершенно никакого в этом деле навыка. Но ведь не боги же горшки обжигают?!

Председателем правления был избран Михаил Дмитриевич Стрельцов, рекомендованный из города партиец – бывший командир красного партизанского отряда в Сибири, а в 21-м году – командир одного из отрядов по разгрому банд Маслака.

Поздравить меня с таким избранием, а также причину нашего с отцом отсутствия с общего собрания пришли человек двадцать. Отец радушно принял всех, и непрошеные гости менее, чем через час, валялись по двору, под сараем и под скирдой сена, одновременно прославляя и проклиная щедрое Тарасово гостеприимство.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

Работая членом правления пайщиков, я одновременно, как уже сказал, работал непосредственно за прилавком. Дело это показалась мне сначала трудным, хлопотливым и ответственным. Но, присмотревшись к работе бессменного правленца Харитона Дмитриевича Булгакова (того самого, который сообщил Максиму о моём приходе из армии), специалиста по торговле – он был приказчиком ещё у купца Шмелёва, а теперь заведовал центральным магазином ЕПО в центре станицы, я вскоре постиг эту премудрость.

Присматривался я также к работе счетовода кооперации Николая Поликарповича Войскова. Я помогал ему вечерами, после закрытия магазина и добровольно, ради любознательности, составлял месячную и квартальную отчётности. Вскоре я постиг и эту премудрость и исправно вёл счетоводство в те дни, когда этот счетовод «болел». А болел он, как правило, дня по три в месяц, в дни получки жалованья.

Через два года на очередном отчётно-выборном собрании пайщиков меня «прокатили на вороных» и вместо меня избрали одного из прежних правленцев.

Дело в том, что, будучи последний год заведующим магазином сначала в своей станице, а потом в Заплавской (общество было объединённым), я повёл решительную борьбу с незаконным кредитованием пайщиков. Эту порочную систему, называемую привлечением населения в кооперацию, практиковали прежние составы правления. Рекомендовал нам её со Стрельцовым постоянный, несменяемый Булгак.

Заключался этот кредит в следующем: пайщик, как правило, из зажиточных, имея в потребительской организации тринадцать рублей – членских десять и вступительных три, набирал в магазине товара, часто на крупные, превышающие свои взносы в два, три и более раза суммы. Бесцеремонно, тоном хозяина буркнув «запишите», он уходил, не платя ни копейки наличными. Иные брали по мелочам, но всё это ко дню расплаты вырастало в солидные суммы, тоже намного превышающие размер пая.

Став завмагом, я сразу же стал урезывать аппетиты любителей «запишите» и этим нажил себе массу недоброжелателей, которые и прокатили меня на перевыборах.

Откровенно говоря, я без всякого сожаления покинул не нравившуюся мне работу. Слишком уж перед многими приходилось заискивать, унижаться, клянча деньги.

Это было в конце 26-го года. А в феврале 27-го меня пригласили на работу счетоводом в местную мукомольную артель, в ведении которой находилась большая вальцовая мукомольная мельница.

Мельница эта была выстроена в станице в 1911 году пришлыми предпринимателями – братьями Худяковыми. В 1920 году при установлении советской власти мельница эта была у владельцев конфискована и передана в ведение станичного ревкома. Мельница эта потом переходила из руки в руки от одной организации к другой, и каждая старалась из неё выжать как можно больше. О ремонте её никто не думал, мельница становилась нерентабельной. В конце концов, стансовет передал её в аренду на льготных условиях создавшейся мукомольной артели. Артель зарегистрировали в финансовых органах, и она начала свою работу с осени 26-го года.

Разбирая хранившиеся в беспорядке документы, я обратил внимание на то, что артель организована всего каких-нибудь полгода тому назад, а уже кто-то из недобросовестных её членов греет тут руки. В каждой квитанционной книжке, которая была пронумерована как бланк строгой отчётности, были выдраны один-два корешка. Я обратил на это внимание председателя артели - Василия Владимировича Погорелова.

- А что же теперь делать? – растерянно спросил он у меня

- Выявить, конечно, просто. Смотрите, на соседних целых корешках есть дата и почерк. И по этим датам и почерку можно установить, кто в данный день из весовщиков-приёмщиков дежурил. Ведь они дежурят по суткам?

- Да, по суткам.

В общем, я вам докладываю о безобразиях, а там уж вы сами принимайте или не принимайте меры. Оставляйте так или возбуждайте дело. Но я за то, что было до меня, не отвечаю. Учтите, что артель наша – строго уставная, зарегистрированная в Донкустремсоюзе, имеет текущий счёт в банке, члены артели получают жалование строго по тарифным ставкам. И вот представьте, приезжает ревизор, начинает копаться в этих бумажках и находит, что артель занимается обманом государства. И какое следствие? Решётка! Вот так-то!

Бедный председатель сидел потный, как только что из бани.

- Так что же теперь делать? – в тревоге спрашивал он.

- Не знаю. Ждать, что скажет Донкустремсоюз. Ведь этого скрыть никак нельзя. Количество квитанционных книжек со строгим количеством листов в каждой оговорено в акте приёма вами мельницы от стансовета. В своём акте я обязан оговорить обнаруженные мною злоупотребления. Иначе нельзя. Я не намерен отвечать за чужие грехи.

Тут я был немного неправ. Я не обязан был заниматься ревизией того, что было до меня. Меня на это никто не уполномочивал. Но раз я выявил нарушение, да ещё в присутствии председателя артели, я не имел права этого скрыть.

На другой день в артельной конторе побывали все члены артели, с тревогой расспрашивая неспокойного и придирчивого нового своего члена, что случилось. Я рассказал и продемонстрировал грубую работу, которую мог обнаружить даже неискушённый в таких делах любой член артели. И по выражению лиц и по ответам видел, что рыльце в пушку у всех.

Акт был составлен со всеми подробностями, подписан с участием представителя от стансовета и отослан в Ростов. А я, окончив приёмку, взялся за наведение порядка во всём. Первым долгом я взял на учёт все квитанционные книжки как бланки строгой отчётности. С председателем артели, старшим механиком и старшим мерошником-крупчатником прохронометрировал почасовую и суточную пропускную способность мельницы. Актировал с участием представителей от помольцев простои мельницы по всем уважительным и неуважительным причинам – отсутствие завоза, неисправность какого-либо агрегата и тому подобное. Для этой цели я завёл специальный шнуровой журнал, куда заносил все отклонения от нормальной работы мельницы.

Все эти действия по инструкции и без неё, вызванные лишь какой-то интуицией, принесли несомненную пользу артели и избавили её в дальнейшем от крупных неприятностей, хотя некоторые члены артели и острили мне в глаза:

- Вот ишшо пригласили на свою голову ГПУ.

8

После капитального ремонта летом 1928 года мельница заработала круглосуточно и бесперебойно. Слава о её восьмидесятипроцентной продукции (сортовой помол был запрещён свыше) гремела по всему нашему району и хлебному Задонью. Хлебные задонские короли везли на помол целыми обозами тысячи пудов пшеницы, сбывая потом муку на рынках Ростова, Новочеркасска и Шахт.

Это, в конце концов, сказалось на закупках зерна государством на государственном хлебоприёмном пункте в станице Багаевской. Начали искать причину. Дороги привели в артель. Но придраться к ней не было никаких оснований, так как артель, по договору с арендодателем, Бессергеневским стансоветом, никакими нормами помола ни к одной категории помольцев ограничена не была. Не было на этот счёт никаких директивных указаний и свыше.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

И всё же артелью занялись. И занялись крепко. В феврале 29-го года из Ростова, из областного торгового центра, имея на руках полномочие Донкустремсоюза, в артель нагрянул ревизор.

Ревизия была сверхтщательной и длилась почти два месяца. Ревизор не только скрупулёзно копался в бумажках. Он искал отрицательные факты работы артели путём опроса помольцев, отдельных членов артели, должностных лиц стансовета и кооперации, что совершенно не входило в его обязанности.

Помимо этого, из прежних эксплуатационников, при которых мельница хирела и приходила в упадок, нашлись завистники, анонимно подсунувшие ревизору кое-какие поклёпы на артель. Но никаких нарушений, кроме злоупотребления с квитанционными книжками в первые месяцы работы артели, которые тоже всплыли наружу, найдено не было. И поэтому пространное место в акте ревизии было занято описанием только этих злоупотреблений.

И всё же председатель артели был отдан под суд. Но, за отсутствием отягчающих вину обстоятельств, суд присудил его к трём месяцам принудительных работ. Артель же как несоответствующая духу времени через несколько месяцев была распущена. Мельница была передана обратно в ведение стансовета. Штат специалистов – мукомолов, механиков, весовщиков – был сохранён. Я же остался не у дел.

И вот в это-то время меня пригласили для распутывания счетоводства Бессергеневского филиала Новочеркасского сельскохозяйственного товарищества. Это было накануне сплошной коллективизации, то есть в начале тридцатого года.

Контора этого товарищества помещалась в центре станицы в конфискованном у одного из местных кулаков доме. Сам хозяин сидел в тюрьме, а семью его выдворили во флигель. Этот же дом избрало своей резиденцией и избранное правление колхоза, заседавшее теперь здесь дни и ночи.

Ко мне, корпевшему вместе с бывшим счетоводом этого товарищества, часто подходил председатель колхоза, заглядывал мне через плечо в мои бумаги и, трепля меня за плечо или пожимая свои руки, как бы выкручивая мокрое бельё – это была его привычка, - весело говорил:

- Ну, давай, давай, нажимай! После этого будем работать вместе. Я уже согласовал твою кандидатуру в районе на должность старшего счетовода колхоза. Так что сейчас, между делом, подбирай себе штат из грамотных колхозников. Только смотри, чтобы какой кулак не затесался!

Я краснел и стыдливо отнекивался:

- Что вы, что вы, Яков Павлович?! Спасибо за доверие, но какой из меня старший? Ведь я по счетоводству немного поднатаскался только в кооперации да на мельнице. А это дело новое, совершенно незнакомое. Да и разве, кроме меня, больше нет грамотных колхозников? Вы вот запишите.

Я назвал соседа, Илью Морозова, и ещё одного станичника, Михаила Пятницына, бывшего семинариста Донской духовной семинарии. Как один, так и другой были намного меня грамотнее. С самого прихода советской власти они жили в станице, были непременными членами или даже возглавляли многочисленные разные организации в первые её годы. В первые же годы вступили в партию, но за что-то были исключены.

- А я…

- Нет, нет! – запротестовал Сницаренко. – Старшим будешь только ты, а их, если хочешь, бери себе в штат рядовыми.

- Неужели, Яков Павлович, нам сюда не могут дать людей из города? Вы бы оттуда попросили опытных людей, а мы что?

- А кто в этом деле опытный? Ведь это же впервые в истории человечества! Ты думаешь, если меня прислали из города, так я опытный? Я за всю свою жизнь, а мне тридцать восемь лет, не вырастил ни одной тыквы, ни одного огурца. А вот меня

прислали руководить таким огромным хозяйством, где не только тыквы и огурцы, а в основном зерно – основа основ. И я должен обеспечить сбор этого зерна государству. Да и не только зерна. Так что о городских кадрах и думать нечего – в городе колхозных кадров нет. Установка партии – готовить колхозные кадры на месте, из колхозников. Понял?

9

Сницаренко произвёл на меня своей подкупающей простотой огромное впечатление. И я дал себе в душе обещание: если буду работать в колхозе на приближённой к нему работе, то всеми силами буду помогать этому хорошему человеку.

На этот счёт у меня состоялся разговор с отцом, который как председатель ревизионной комиссии постоянно участвовал в непрерывных заседаниях вместе с правленцами.

- Как, по-вашему, папа, наш председатель?

- По-моему, человек он хороший, но только очень плохо знает сельское хозяйство, если, конечно, не испытывает нас. Я так думаю, что если партия наметила такую перестройку в земледелии, то ей следовало бы давно подготовить не двадцать пять тысяч, пусть даже самых лучших рабочих, а пятьдесят тысяч агрономов. Вот это была бы сила! Сницаренко как организатор, можно сказать, хороший, а как сельский хозяин – ни в зуб ногой! Всё спрашивает, что, как и к чему. И как бы нам за всеми этими непрерывными заседаниями сев не прозевать. И надо засеять всю землю, какую засевали до этого, и засеять так, как засевали для себя. Если мы этого не сделаем, то подохнем. Если у нас уродит плохой хлеб, его у нас заберут весь для города, не посчитаются ни с чем, а мы останемся не только на бобах, это бы ишшо ничего, а ни с чем!

- Он предлагает мне бухгалтерию колхоза. Как вы на это смотрите?

- А потянешь?

- Вот в том-то и дело, что я сам не знаю, потяну или нет. Ведь дело совершенно новое и спросить не у кого. Но ведь потянул же на мельнице, думаю, что похромаю немножко и справлюсь.

- Смотри сам. Если уверен, что справишься, соглашайся. Дома-то теперь всё равно делать нечего. Но смотри, под страшным секретом: в станице неспокойно. Поговаривают, как в восемнадцатом году… Как бы не заполыхало!

- Да ерунда! Смешно даже думать! Тогда ничего не могли сделать, а теперь и подавно.

- Не могли, а сколько голов положили! Смотри, я тебя предупреждаю.

Я стал колхозным бухгалтером. Мы с Сницаренко съездили в город, и я привёз инструкции, как и с чего начинать, все книги учёта, бланки отчётности и штатное расписание управленческого аппарата колхоза.

По этому расписанию административно-хозяйственный и счётный персонал колхоза состоял из сорока человек, освобождённых от работы на производстве и с повышенными трудоднями. В этот же вечер было созвано экстренное заседание правления совместно с ревизионной комиссией, на котором были вновь распределены обязанности между членами правления, подобраны бригадиры, учётчики, кладовщики, созданы комиссии для описи и оценки обобществляемого имущества. За неимением специалистов-агрономов в полеводы, животноводы и садоводы поставили пока членов правления и ревкомиссии. Отец, как ни отказывался, попал в сады.

Такой легион колхозного начальства дал повод обильным пересудам.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Смотри, едрёна-Матрёна, что творится? Раньше, скажем, был в станице один атаман, два его помощника, два писаря и казначей. Ну, если взять сюда же попа с диаконом и псаломщика, то всего на две наших станицы приходилось сколько дармоедов? Восемнадцать! А теперь? Сорок восемь. Так что же это такое? Один с сошкой, а семеро с ложкой! Не к старому времени сказано, а к теперешнему.

Такого же настроения был и приглашённый мною к себе в штат Мишка Пятницын. Он был старше меня на два года. В годы войны учился в Новочеркасском духовном училище. Отец его был простым казаком-хлеборобом среднего достатка. И в то время, когда я «пошёл быкам хвосты крутить», Мишка стал готовиться к поступлению в духовную семинарию. Но помешала революция. В гражданскую войну служил у белых в гвардейском полку в должности писаря хозяйственной части полка, как и я в атаманском. При отступлении полка в девятнадцатом году через Новочеркасск остался в бывшей своей квартире, переждал там события, вернулся в станицу и совместно со старшим братом (отца уже не было в живых) принялся за сельское хозяйство. Женился он годом позже меня, взяв в жёны девушку из зажиточной семьи. В колхоз вступил без всякого колебания.

Грамотных людей в станице было раз-два и обчёлся. Поэтому я первым делом обратился к Мишке и еле уговорил его идти работать в контору. Я тогда совершенно не подозревал, почему Мишка так сопротивляется. Оказывается, было сильно затронуто его самолюбие, так как бухгалтером колхоза пригласили не его, на голову выше меня по грамотности, а меня, простого станичного парня. Но после долгих уговоров Мишка согласился, и уже мы вдвоём с ним уговорили ещё одного бессергеневского паренька и двух заплавцев, окончивших двухклассное училище и с хорошими почерками.

Мой сосед, Илюшка Морозов, в конторе отказался работать наотрез. Его мечтой было попасть рано или поздно на какую-нибудь агрономическую учёбу, чтобы впоследствии стать агрономом. И теперь, пользуясь случаем, что колхозу нужны кадры, он настаивал на этом перед правлением колхоза. В конце концов, просьбу его со временем удовлетворили. Но об этом потом. А сейчас его поставили бригадиром огородной бригады.

Работы в конторе привалило столько, что не стало хватать светового дня. К чести ребят-счетоводов, они нисколько не считались со временем и работали со мною до полуночи, не празднуя зачастую ни воскресений, ни других каких-либо праздников. Нас всех увлекла новая, интересная и в дальнейшем полезная для всех нас работа. В какой-нибудь месяц мы настолько все вошли в курс дела, что почти без подсказок города обрабатывали документацию, как будто только этим и занимались всю жизнь. Каждую свободную минуту к нам подходил Сницаренко, расспрашивал о делах, радостно улыбался, покручивая по своей привычке руки.

А в это время по станицам началось раскулачивание и выселение кулаков из насиженных мест. По станицам стояли плач и стенание. И хотя в двух наших станицах было выявлено около полусотни кулацких дворов, которых, раскулачивая, куда-то высылали вместе с семьями, стариками и детьми, все в станице насторожились. Все ожидали осуществление предсказания о высылке всех казаков на Амур, о чём твердили ещё деды.

10

Мишка жил как раз на пути, каким я всегда ходил на работу и с работы. И мы всегда, во время перерывов и по окончанию рабочего дня ходили с ним вместе. Дойдя до его двора, мы прощались, и я шёл дальше.

Однажды, во время обеденного перерыва, Мишка пригласил меня к себе пообедать. Дело было в воскресенье, и я не стал особенно упираться.

Нам собрали обед отдельно, в зале. Мишка принёс графин вина и, поднося первый стакан, проговорил:

- Ну, давай выпьем последнего собственного! На будущий год, если уцелеем, уже не придётся!

- Почему не придётся? Будут же, наверное, давать на трудодни, - высказал я надежду.

- Будут! Держи стакан побольше!

Мы начали обедать и вдруг услышали со стороны улицы топот десятков ног. Подскочив к окну, мы увидели, как в направлении города гнали большую партию арестованных, судя по одежде, задонских хлеборобов. Их сопровождал большой конный и пеший конвой.

Это был обычный со времён начала коллективизации этап каких-то нарушителей многочисленных сейчас директив по перестройке села. Мишка отскочил от окна и стал ходить по комнате.

- Видел? Это уже чуть ли не сотый. И так каждый день! Да что же это такое творится? Распоряжаются, как в завоёванном царстве!…Эх, Дон, Дон! Великая моя Родина! Что сталось с тобою? Куда девались твоя гордость и честь – «С Дона выдачи нет»! Для кого ты катишь теперь свои величавые волны?…Помнишь, Андрей, у нас в станице, в школе, был одно время учителем Александр Михайлович Чулков? Это уже после того, как мы отучились? Он стоял у нас на квартире и в двадцатом, кажется, году эмигрировал. Помнишь?

- Конечно, помню!

- Так вот, он тогда подарил мне одно стихотворение. Сочинил его родной отец. Он посвятил его Дону и нашему родному краю. А хочешь, я тебе его сейчас прочитаю?

- Пожалуйста, я люблю стихи. А не длинное оно? А то на работу опоздаем.

- Успеем! Да к тому же, неужели же мы и в воскресенье не имеем права урвать для себя каких-нибудь полчаса? Вот слушай и вникай в каждое слово:

Над тобой высоко вереницей летят
К югу тёплому вольные птицы.
На твоих берегах, словно чайки, сидят
Средь садов хутора и станицы.
На могучей груди ты так твёрдо носил
Флот и войско Царя-Великана
И, наполненный местью, оружьем грозил
Всем поклонникам грозным Корана.
Исторический край бесконечной борьбы,
Край казачества, вольности, славы,
Подвергался не раз ты ударам судьбы,
Сын свободной Великой Державы.
По равнинам твоим, средь широких степей,
Как поток, вражьи стаи стремились.
Пенье гибельных стрел и сверканье мечей,
Будто вихрь, над тобой проносились.
Ты – героев гнездо, где явился Ермак,
Где родились граф Платов, Бакланов –
Богатырь-чародей, нагоняющий страх
На чеченцев и гордых Османов.
Ты не раз провожал свою стройную рать
За Дунай, на кровавую тризну.
С верой в силу борьбы ты ходил умирать
За царя и святую Отчизну!
Много буйных голов ты в боях положил

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

На кровавых полях жаркой сечи.
О невзгодах своих много песен сложил,
Песен чудных, как страстные речи!
Ты, как витязь, стоял на крутых берегах
И низовьях родимого Дона,
И в годину невзгод, и на шумных пирах
Среди сабель бесчисленных звона.
Я любил и люблю тебя, рыцарский край!
Вольный край чернобровых казачек,
И раздолье степей, и садов твоих рай,
Ипподром твоих бешеных скачек,
Стариков бородатых галденье и спор
Средь широкого круга майдана,
И вино из Цимлы, виноград из Раздор,
Важный вид с булавой атамана.

- Ну, как, дошло? Ведь всё верно! Разве не старики на майдане были хозяевами своей жизни? Разве присылали цари когда и кого нам в атаманы? Кроме, конечно, наказного. Да мы кого хотели, того и выбирали. Не угодил атаман, - под известное место коленом и давай другого! А теперь?…Я не пойму, что это такое, в конце концов, происходит. Насильно создают какие-то колхозы, из-под палки загоняют туда тружеников, производителей самого главного в жизни – хлеба насущного, этого кита, на котором держится весь мир. Навязывают в начальники того, кого им заблагорассудится. Понаехало сюда всякого хамья! Жида пархатого прислали и навязали в руководители.

- Он такой жид, как я и ты калмыки. И потом, ты же тоже голосовал за него на собрании.

- Поневоле будешь голосовать, когда чуть ли не за каждым гепеушник с пистолетом!

- Тише ты, ради Бога! – испугался я. – Ну, к чему это? Ведь ты это напрасно! По-моему, кроме двух уполномоченных из города, никого больше посторонних на собрании не было.

- А ты всю эту уколовскую братию считаешь не посторонними? Считаешь их за своих? Считаешь их друзьями казачества? Да это же агентура, сексоты! Они бы нас, казаков, совсем с говном съели бы! Они каждый наш шаг – на карандаш и «туда». Вот если бы таких «тише», как мы с тобой, было бы поменьше или совсем не было, не видать бы Дону этой сволочи во веки! Я не знаю, как у тебя, но в моей голове никак не укладывается то, что сейчас творится в станице. Ведь это же настоящий грабёж среди белого дня! Грабёж, не наказуемый законом! Грабёж, которого не знала история человечества! Грабёж, поощряемый властями! Эта мразь Уколов, который и слова-то человеческого членораздельно сказать не может, ходит со своей шайкой бандитов и рушит то, что создавалось поколениями наших предков, выражаясь современным языком, раскулачивает. Помимо того, что он со своей бандой забирают хлеб, скот, птицу, свиней и инвентарь, так он ещё лезет в кастрюли на печке и выволакивает оттуда куски мяса, картошку. Отнимает изо рта детей кусок хлеба!

- Успокойся, Миша! Ведь ты же сам был коммунистом и поэтому должен знать, почему всё это творится.

- Да, я был коммунистом и не скрываю этого. Но я ничего теперь не понимаю. Ведь это всё противоестественно. Это, думаю, делают не коммунисты. Это не политика партии! Это делают мерзавцы! Делают при явном попустительстве местных и районных властей. Власти закрыли на всё глаза и не хотят видеть этих безобразий. А пойди искать правду – сразу же в подвал на Александровскую (резиденция ГПУ).

Послать письмо в ЦК – оно всё равно придёт на проверку сюда же, в райком. Послать анонимку с самой что ни есть правдой – результат тот же, а то и читать не станут.

- Так что же делать?

- Не знаю, не знаю! Но тут определённо что-то не так! Ведь не может же быть, чтобы Москва давала указания отнимать хлеб у детей, пусть даже и кулацких! Ведь это же дети! Понимаешь, дети?! Ведь даже на войне неприятель, враг, и то щадит детей, женщин и стариков враждебной стороны. Это даже записано в международных законах! А тут? И обидней всего, что это делают не пришельцы, не завоеватели, а свои, свои! Причём они, эти мерзавцы, не для государства стараются, а тащат всё в свои конуры…Ну, я понимаю, лишить кулака средств производства, средств закабаления бедноты и батраков – земли, садов, инвентаря, рабочего скота, и то не подгребло. Но отнимать у него рубаху, штаны, кусок, именно кусок хлеба изо рта его ребёнка – этому, извините, и названия не придумаешь. И всё это в пользу Уколова и его компании…Теперь, вот эти этапы и этапы без конца! И кого же ведут? Ведь это же сук, который рубят, сидя на нём! Это мягко, слишком мягко выражаясь. Это как в басне Крылова, помнишь, как свинья, наевшись желудей, стала рылом подрывать у дуба корни?

Я сидел, как на иголках. Мне слишком не нравилось такое откровенное разглагольствование разошедшегося, всегда уравновешенного в своих суждениях Мишки. Эдак, чего доброго, и нас обоих, если кто подслушал, могут связать.

Действительно, про комсомольца Уколова, пришедшего на Дон с родителями откуда-то из России вслед за советской властью, ходили слухи, что он, будучи во главе комсомольской бригады по раскулачиванию, позволяет себе в кулацких домах неслыханный, необузданный произвол. Лезет в сундуки, обыскивает карманы, выплёскивает из кастрюль варево, чтобы завладеть мясом, забирает до крошки хлеб, не останавливаясь даже перед тем, чтобы вырвать этот кусок изо рта ребёнка. Навязывает узлы самой лучшей кулацкой одежды и тащит себе в хату.

Эти слухи про него настораживали и середняков, и даже бедняков.

- Нынче - у Салана (кличка одного из раскулаченных, кстати, родного дяди Мишки), завтра – у меня, а послезавтра и до Макара Бесчуланного (бедняк) доберутся, - роптали середняки, со страхом ложась спать.

Недовольство росло, ширилось и грозилось перейти в открытое возмущение.

- И ты понимаешь, почему всё это делается? Они боятся возрождения капитализма в России, - продолжал Мишка. – Да чёрт возьми! Если сила принуждения и подавления в виде ГПУ и армии находится в руках партии, то чего ей опасаться этого возрождения? Да вы возьмите и установите норму роста! Вот и всё! А как чуть перевалило за эту норму, так берите за шкирку и одёргивайте! Ведь так же? …И вот я ещё с чем ну никак не согласен, - не унимался Мишка, - скажи, разве кулак виноват, что он кулак? Ведь, чёрт же возьми, был же такой строй, который порождал этих кулаков и не только не преследовал их, а даже поощрял их развитие. Да даже и теперь, при советской власти, в первые годы НЭПа был же такой лозунг: «Обогащайтесь!» Так при чём здесь они? При чём их маленькие крошки?

- Миша, давай бросим на эту тему разговаривать. Пошло оно всё в болото! Идём в контору, а то мы и так уже целый час с лишним сидим.

-Да как же тут остаться равнодушным?!… Надеюсь, что этот разговор останется между нами? – заглядывая мне в глаза, попросил Мишка, когда мы вышли с ним на улицу.

- Ну, конечно, за кого ты меня принимаешь? Ты немного погорячился и всё!

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

Через несколько дней после разговора с Мишкой, утром, по дороге на работу я повстречался с Денисом, мужем Анки, который у меня дружковал на свадьбе. Он рысил мне навстречу охлипки (без седла) на своей рыжей кобылёнке, которую мне шесть лет тому назад подарил на «каравай» дядя Христофор. Подарить подарил, но отдать потом «забыл». А попросту было жаль.

Завидев меня, Денис поднял высоко над головой хворостину, которой погонял лошадь, и помчался на меня галопом. Поравнявшись со мной и размахивая хворостиной, он со злостью сказал:

- Вот скоро хамам, жидам и их прихвостням будем рубить калгушки (головы), - и поскакал дальше.

Я сначала подумал, что он просто шутит, что сейчас вернётся и, смеясь, поздоровается. Но Денис, не оглядываясь, поскакал дальше. Я видел Дениса недели две тому назад, и тогда он никаких враждебных выпадов против меня не проявлял. Мне стало страшно неприятно на душе. Я рассказал об этом Мишке.

- Вот видишь, Андрей, как озлобился народ. Не дай Бог, но в случае чего, с нас первых послетают эти «калгушки». Тогда разбираться не будут, что у тебя на душе. Раз работал у опричников, у обидчиков народа – башку долой.

Дома, во время обеда, я рассказал об этой встрече с Денисом отцу. Он усмехнулся и покачал головой.

- С ума народ сходит. Знаешь, почему он так бесится?

И отец рассказал, как упорно не вступавшим в колхоз Денису и другим таким же было предложено свезти в общий амбар двадцать четыре пуда семенной пшеницы и четырнадцать пудов ячменя. Ячмень Денис привёз весь, а пшеницы – только двенадцать пудов. Остальные двенадцать привезти отказался под предлогом того, что больше ничего нет. К нему направили бригаду Уколова обыскать. Бригада нашла в амбаре только сильно засоренное продовольственное зерно-пшеницу. Но поднаторевшие так называемые комсодовцы (комсод – комитет содействия) догадались о фальсификации и обязали Дениса под страхом конфискации всего зерна очистить эту пшеницу и довести недостающее. Денис довёз только десять. Осталось два пуда. Комсодовцы нажали, и вот теперь, наверное, эти два пуда и довёз озлобленный до потери рассудка Денис.

- А как у нас с этим делом, папа, всё в порядке? – спросил я у отца. – А то я за этими сальдо-бульдо совсем отстал от домашней жизни.

- Да как будто бы всё в порядке. Семенное зерно отвёз, сено тоже.

- А у нас осталось что? Хватит до нового урожая?

- Да если ишшо не накинут, то должно хватить Пудов ишшо с двадцать осталось пшеницы да столько же ячменя…Кукурузы с десяток пудов. Думаю, что на восемь душ до августа хватит (у нас с Наташкой было уже двое детей – Гришка и родившаяся в марте 27-го года дочь Нина). Тут другое дело, Андрей. Не хотелось тебя расстраивать, но придётся – ведь мы на волоске от раскулачивания. Мне шепнул один из бедноты, не буду говорить кто, что как только у них какое секретное совещание, так и поднимается вопрос о нас.

Я оторопел. Что-то неприятное, до физической боли, защемило в левой стороне груди. Я весь обмяк и стал мокрым.

- За что? На каком основании? Не может быть! Ведь у нас нет никаких признаков под эту категорию. У нас никогда не было наёмных работников, никогда мы ничего и ни у кого не арендовали, торгашеством не занимались. Денег в рост никому не давали, так как их у нас самих не густо. То есть, за нами ничего не водится такого, к чему можно было бы придраться.

- Это мы с тобой так думаем, а там думают по-другому. Нам пришивают подёнщиков, что нанимали кое-когда весною и осенью в помощь себе по уборке урожая.

- Только это?

- Да, только это. А что же ишшо больше?

- Так тогда нужно раскулачивать всю станицу. Возьмите самого наибеднейшего бедняка, который имеет хоть небольшой виноградный сад у самого Аксая, как и мы у Варгунки, так что, он не пользовался подёнщиками?

- Ну, то ведь бедняки, а мы ведь крепкие середняки.

- Да-а-а! А что слышно про Ермаковых?

- За Ермаковых и говорить нечего, они наверняка пойдут за тремя восьмёрками (в станице было выявлено и раскулачено двадцать четыре кулацких хозяйства).

- Может быть, поговаривают, потому что вы – председатель ревкомиссии, а я, ваш родной сын, - бухгалтер, которого вы должны ревизовать, что по положению не должно быть. Или вы, или я.

- Не знаю! В общем, будет видно.

12

Я хоть и часто читал газеты, но очень многое из того, что творилось сейчас в стране, не понимал. Мне, например, совершенно было непонятно, зачем, с какой целью объединяют хлеборобов в одно хозяйство. Зачем и с какой целью заставляют не только новоиспечённых колхозников, но даже ещё не вступивших в колхоз свозить в один амбар семенное зерно, на общий двор – сено. И в душе я вообще протестовал против такой жестокости, как раскулачивание тех, кого называли кулаками. Особенно против того, что у них не только отнимали всё, вплоть до одежды, но насильно усаживали на их же бывшие, ставшие теперь колхозными подводы и увозили на станцию, чтобы грузить в вагоны и высылать в Сибирь – место ссылки как падшего режима, так и этой власти. Ссылать с грудными младенцами и маленькими несмышлёнышами, меньше всего повинными в поступках их отцов и дедов. Да и тех ссылать было не за что, тем более безо всякого следствия и суда. И я представлял себе: далёкая, холодная Сибирь, нечеловеческие морозы, плачущие от холода и голода ничего не понимающие младенцы и дети, бредущие вслед за такими же голодными и холодными по заснеженным тропам Сибири в неизвестность матерями и отцами. И сердце моё обливалось кровью от жалости к этим живым, обречённым существам.

Я также считал ненормальным и то, что городские уполномоченные по коллективизации говорили на общих собраниях одно, а на деле происходило другое. Говорили об исключительной добровольности вступления в колхоз, а на деле, при помощи комсодов, путём запугивания, под угрозой лишения избирательных прав и раскулачивания со всеми страшными, как высылка из родных мест, последствиями применяли принудительное вовлечение в колхоз, особенно середняков.

Однажды, поздно вечером, когда я уже пришёл с работы совсем, поужинал и собирался спать, к нам пришёл Семён. Ермаковых пока не трогали, даже приняли в колхоз. Но все их хозяйственные постройки – амбары, сараи, три погреба и даже жилой флигель, пустовавший в зимнее время, подверглись отчуждению для нужд колхоза. Им оставили только один дом. Дом, правда, вместительный, в четыре комнаты, с низами (жилой полуподвал). В амбары и погреба ссыпали семенное зерно, свозимое колхозниками. И этим пунктом заведовал и был приёмщиком Семён. Во флигеле, на квартиру, поселился Сницаренко пока без семьи, со столом у хозяев. Под одним из сараев триеровали зерно, под другим стояли обобществлённые волы, и за ними, с помощью одного колхозника, ухаживал отец Семёна – Семён Михайлович, трясясь

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

каждую минуту за свою судьбу. По своему материальному положению он давно был кандидатом туда, куда увезли на днях двадцать четыре семейства, но подвести их хозяйство под кулацкое никак не могли – не позволяла инструкция. Последние пятнадцать лет они не имели батраков, прибегали только иногда к услугам подёнщиков в винограднике, как и поголовно все в станице.

Посидев в курене минут пятнадцать, Семён поднялся и обратился ко мне:

- Оденься, Андрей, выйдем во двор, проводишь.

- Андрей, я как твой брат, пришёл предупредить тебя, - зашептал Семён, когда мы вышли из куреня, - чтобы ты с сегодняшнего дня был осторожней и особой активности в колхозе не проявлял. И особенно дюже не связывайся с жидом. Он вроде и хороший человек, но всё равно – коммунист. А коммунистам скоро - секир башка.

- Ты что болтаешь?! Ты отдаёшь себе отчёт в том, что говоришь?

- Отдаю. Вот поэтому-то я и пришёл предупредить тебя. У нас в станице, да не только у нас, а и в Заплавской, и в Кривянской, и в Багаевской, и по всей нашей области существует организация, цель которой – поднять в подходящий момент восстание против большевиков и смести все их бл… новинки!

- Какая организация? Ты что мелешь? Ты, случайно, не пьян? Откуда ты это взял?

- Я такой же пьяный, как и ты. И ты меня не перебивай, а выслушай внимательно. Дело-то ведь, чёрт возьми, серьёзное! Пойми, что ни за что, ни про что можешь попасть под нож и ты!…Готовится восстание! Понимаешь, поголовное восстание по единому сигналу во всех станицах и хуторах не только Дона, но и Кубани, по всем казачьим войскам и на Украине против коммунистов и против колхозов! Откуда я это знаю, пока секрет. О дне выступления тоже ничего не известно, но вот-вот! Народ настолько обозлён, что стоит только гикнуть, как поднимутся все, как один. И не только казаки и мужики, но и рабочие в городах, так как эти коммунистические порядки застряли в зубах у всех.

- Так ты что, из жалости меня предупреждаешь или у тебя задание завербовать меня в эту организацию?

- Из жалости! Тебя опасаются, считают тебя колхозным активистом! Также предупреди дядю Тараса. Да смотрите, держите язык за зубами, будто бы этих языков у вас и нет.

- Так что же мне делать?

- А вот что! Чтобы никто ничего не заподозрил, ты должен работать так, как и работал раньше. Но как только забьют колокола на пожар, поднимайся и вылетай на церковную площадь, а там уже видно будет, что делать – там скажут. Найдутся такие! Да смотри, предупреждаю ещё раз, будь осторожен и нем, как рыба. Если всё это откроется раньше времени и узнают, по чьей вине это открылось, тому не сдобровать. Учти, что в этой организации участвуют даже воинские части и гарнизоны, да и некоторые сотрудники ГПУ. Да, да! Не смейся!… Надёжные, из бывших офицеров. Поэтому, если найдётся предатель, ему быстро свернут шею…

Семён ушёл, а я возвратился в курень сам не свой. Это заметил отец – остальные уже спали. Отец встревожился не на шутку и стал допытываться, что за новости принёс Семён.

- Что, опять какие-нибудь чертовинки? Опять, наверное, новое раскулачивание?

- Нет, папа, не это. Жалуется, что по его учёту, у него не хватает пудов двести семенного зерна. И не помнит, кто бы его мог объегорить, - соврал я отцу первое, что пришло на ум.

- А как же это он установил, ведь не перевешивал же он его?

- Перевешивать – не перевешивал, а на глаз. Просит совета, как ему быть.

- Ну, так у Семёна не хватает, а ты нос вешаешь.

- Так ведь жалко же парня. За недостачу семенного зерна, да ещё при его положении, ему могут пришить вредительство.

13

Я не спал всю ночь. Я лежал, вперив глаза в тёмный потолок, вздыхал, и думы одна кошмарней другой гнали прочь и сон, и способность здраво разбираться в истинности, в правдивости сообщённой страшной новости. В моём воображении возникли страшные картины восемнадцатого года с диким разгулом произвола, с его виселицами, расстрелами в большинстве совершенно невинных людей. И я верил, что это, действительно, может повториться. Тогда народ не был так обозлён на большевиков, и то что творилось! А теперь? Недовольство если не всех, то доброй половины населения было полное. Недовольство за насильное втягивание в колхозы, за отобранных быков, лошадей, коров, зерно. Ведь, по существу, всё это было отобрано у тружеников безвозмездно. Правда, всё это должно, вроде бы, считаться за пай. Но кому от этого легче? Зачем так делают? Ведь жили же до этого при этой же власти почти десять лет без всяких колхозов, и было неплохо. Тогда и не думали ни о каких восстаниях.

Правда, где-то в тайниках подсознания я чувствовал, что коренная ломка в примитивном сельском хозяйстве нужна. Что без этого, действительно, нет выхода из положения. Что стране нужен хлеб, а его нет, и его может дать только крупное хозяйство. Такое хозяйство, каким раньше было хозяйство помещиков, дававшее стране товарный хлеб. Но помещики-то свергнуты и о возврате их и думок не может быть. Значит, крупным хозяйством в теперешних условиях может быть только какое-то другое хозяйство, тоже крупное, но только не помещичьего типа. И этот другой тип крупного хозяйства найден в виде объединённой земли сотен мелких хозяев. Но я никак не мог примириться с таким слишком стремительным переходом от испытанного тысячелетиями способа выращивания хлеба во всём мире к такому невиданному в мировой истории никем и никогда не испытанному способу. Не мог примириться со второй, хотя и мирной, но такой бурной экономической революцией. Ведь это можно было сделать постепенно, не спеша, с проверкой жизненной эффективности и путём сугубо добровольно. На самом деле, если первобытный коммунизм стал неприемлем для людей, если он отброшен историей как не оправдавший себя общественный строй, то почему, зачем тянут наши руководители опять к нему, причём, тянут насильно?

Нет, по-видимому, тем, кто сидит там, наверху, в Москве, с горы видней, как лучше. Ведь не может же быть, чтобы они желали народу зла. Во всяком случае, одно уже то, что они из кожи вон лезут, чтобы засеять в этом году всю степь, всю землю, которая засевалась до войны, это уже хорошо! Это говорит за то, что они не против народа, а за него. Ведь чем больше хлеба, тем лучше для всех.

И я в мучительных сомнениях уже почти окончательно согласился с тем, что так надо, что иначе нельзя. И что это будет хорошо для всех. Но только для этого надо трудиться в новом хозяйстве честно, не за страх, как говорится, а за совесть и даже лучше, чем в своём хозяйстве.

Как только я пришёл к такому выводу, я вспомнил, о чём мне поведал вечером Семён. Я вскочил и сел на постели. Мне живо представилась жуткая картина весной восемнадцатого года – горы обезображенных трупов у железнодорожного полотна в Новочеркасске. А расстрел троих у Михайловской церкви?

«Боже, неужели это может повториться? – обливался я холодным потом. – Как же это предотвратить, как этому помешать? На кого заявить? На Семёна, как на кончик, с которого начнут разматывать клубок? А если на самом деле там сотрудники ГПУ? Да

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

они и пикнуть не дадут, как через день будешь в Куричьей балке (место расстрела в 18-м году)».

Подавленный своим отчаянным настроением, я не заметил, как лежавшая рядом Наташка проснулась и тревожно прислушалась к моему бормотанью.

- Андрюша, что с тобой? Ты не заболел?

Вот кому можно довериться. Вот кому можно рассказать всё. Она, как добрый гений, подскажет, что делать, как поступить.

Со дня женитьбы мы с Наташкой жили душа в душу. Она оказалась на редкость исключительным человеком во всех отношениях – замечательная хозяйка, чистюля, враг клеветниц, насмешниц, пересудов, ненавистница сплетниц. Приветливая, гостеприимная, ласковая, замечательный кулинар и кондитер. С первых же дней замужества она настолько вникла во все особенности нашей семьи, что казалось, она родилась и выросла в ней. Всегда до моей женитьбы с утра до вечера занятую многочисленными, но незаметными домашними делами и заботами мою мать теперь почти во всём заменила невестка, не допуская её ни к чему тяжёлому. Мать с отцом души в ней не чаяли, а я боготворил. Глядя на неё, вечно что-то делающую, вечно суетящуюся чуть ли не одновременно то в саду, то в погребе, то в амбаре, то в курене и всегда по какому-нибудь делу – то с тяпкой, то с тряпкой, то с веником и мочалкой или за швейной машинкой, я с умилением шептал: «Милая, милая! Как и чем благодарить мне судьбу за то, что она послала мне такое сокровище?».

И вот я решил открыть ей страшный секрет, доверенный мне Семёном, зная, что на неё могу положиться, как на самого себя.

- Нет, Наташа, не болен, а хуже этого! – и я рассказал ей почти слово в слово то, что сказал мне Семён.

- Господи Иисусе Христе!, - шептала в испуге Наташка. – Да что это они выдумали? Мало тогда крови пролили, так ишшо хотят?

- Ты же понимаешь, Наташа, со слов Семёна можно понять, что я причислен к лику колхозных активистов. Поэтому в случае чего могу попасть в переплёт первым. А как помешать этому, не придумаю.

- Ты говорил об этом папе?

- Нет, не говорил. Но утром скажу.

- Мой совет, Андрюша, такой: подавайся-ка ты в город к Митраше (Дашин муж). Может быть, он найдёт там для тебя какое место. Ты парень грамотный, и я думаю, что где-нибудь устроишься. А потом и меня с детьми заберёшь. А то, что же получается? Беднота кричит, что мы кулаки и нас надо раскулачить, а кулаки затаили злобу, что мы в колхозе активисты и нас надо уничтожить.

- Дорогая моя Наташка, ты словно читаешь мои мысли. Я тоже подумал об этом. Но не попахивает ли это трусостью? Да и место по моим знаниям и моей счётной специальности не так-то просто найти. А если я не найду работу и придётся возвращаться обратно? Какими глазами я буду смотреть на тех, кто не испугался и продолжал работать?

- А если на самом деле, не дай Бог, что случится? Если сиротами останутся Гришка и Нинка? Что я тогда с ними буду делать?…Но и не заявлять же на Сёмку. Ведь у него тоже дети – трое!

- Ты права, Наташа! На это я никогда ни за что не пойду. Лучше погибну сам. Кроме того, я знаю, что если ГПУ раскроет этот заговор и как следует прижмут всех этих Семёнов и Денисов, этих задрипанных заговорщиков…

- А что, разве и Дениска знает?

- Наверное же знает, раз так недвусмысленно продемонстрировал над моей головой хворостиной. Так вот, если прижмут этих заговорщиков, они выдадут всех до одного, в том числе и тех, кто не участвовал в их заговоре, но знал. Знал и не донёс

куда следует, то есть меня. Так что суши, Наташа, сухари года на три, а то и на всю катушку (десять лет).

Наташка начала плакать.

- Ты вот смеёшься. Если ты знаешь, что за то, что ты знал, а не донёс, будут судить и тебя, да ишшо на такой срок, пойди и заяви. На чёрта они сдались тебе, эти головорезы! Они нас не думают жалеть, а мы их почему-то должны.

- Нет, Наташа, повторяю тебе ещё раз, я никогда не был предателем. Я не способен предать даже врага. А как же я пойду заявлять на своих? Ведь они же, сволочи, все свои!…Нет, это свыше моих сил. Нет, ни за что! Да, может, это всё – блеф, выдумка, брехня, запугивание и ничего особенного не произойдёт.

- А папа об этом знает?

- Ты уже спрашивала. Нет, не знает. Я сперва думал сказать ему, а теперь передумал – зачем путать в это дело старика!

14

Придя утром на работу и здороваясь со своими сослуживцами, я испытывал неприятное чувство вора, на котором горит шапка. Мне казалось, что все мои ребята уже знают, что ко мне вчера поздно вечером приходил мой двоюродный и с какой целью. Но всё было обычно, как всегда. Стучали кругляшки на счётах, скрипели перья о бумагу, шелестели страницы гроссбуха. Приходили за разного рода справками бригадиры, завмастерскими, кладовщики. Ничего необычного на их лицах написано не было. Раза два забегал Семён к счетоводу по материальной части и, кивнув мне, больше не обращал на меня никакого внимания. За стеной стучала пишущая машинка – первая конторская техника колхоза. Всё шло своим размеренным порядком, и мне стало казаться – не приснилось ли мне вчерашнее?

Перед обедом к нам заглянул Сницаренко и пальцем поманил меня к себе.

- Садись, - пригласил он меня, когда мы зашли в его кабинет, - садись и вот читай, только что получил.

Он протянул мне бумажку. Это было циркулярное письмо райколхозсоюза, предписывавшее командировать за счёт колхозов бухгалтеров колхозов на трёхмесячные курсы повышения квалификации. Место командировки – кубанский город Ейск.

«Сама судьба идёт мне навстречу, - радостно подумал я, хотя тут и не указано персонально, но бухгалтер-то колхоза я! Вот уеду на три месяца, а за это время здесь всё перемелется, всё войдёт в свою колею».

- Ну, как ты на это смотришь? – спросил меня Сницаренко, когда я прочитал бумажку и отдал ему бумажку. – Придётся собираться. Кого ты думаешь на это время оставить вместо себя без ущерба для дела?

- Вы хотите послать на эти курсы меня?…Я на них не поеду! – внезапно выпалил я, минуту тому назад радовавшийся этим курсам как избавлению от грядущих неприятностей. Я всю жизнь не мог потом найти оправдания своему поступку. Ответь я иначе, возможно, вся дальнейшая моя жизнь сложилась бы по-другому. Но что было, то было.

Сницаренко даже откинулся на табуретке и недоумённо уставился на меня, словно соображая, не рехнулся ли я.

- Может быть, я ослышался или не так понял тебя? Как это - не поеду?

- Не хочу я на них ехать, Яков Павлович. Я и так прекрасно освоился и вошёл в курс дела. Так зачем же зря тратить колхозные деньги, которых в колхозе не так уж и густо!

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Да ты всерьёз или шутишь? Ты же понимаешь, ведь это директива вышестоящей организации, которой мы обязаны беспрекословно подчиняться?

Я вспомнил февраль двадцать второго года. Вот так же, подчиняясь приказу дивизии, начальство моё тогда уговаривало меня ехать на артиллерийские курсы. «История повторяется», – усмехнулся я.

- Ты чего смеёшься? – продолжал смотреть на меня, как на безумного, Сницаренко.

- Да так, Яков Павлович! Если уж нужно подчиниться этой вышестоящей организации и выполнить её директиву, то выполнить её можно и без меня. Можно вместо меня послать кого-то другого.

- Но ведь тут сказано ясно – бухгалтера. Остальные же у нас счетоводы.

- Да какая разница, Яков Павлович? Приедет с курсов тот, кого вы пошлёте, и пусть он занимает моё место. Пожалуйста, я не очень за него цепляюсь. Моё предложение – пошлите Михаила Пятницына. Он человек грамотный. Во всяком случае, по грамотности он гораздо выше меня.

- Неудавшегося попа?

- Ну, при чём тут поп?

- Нет, нельзя! О нём и так идут разговоры, залез, дескать, поповский последыш.

- А обо мне разве не говорят – залез кулак? Так зачем мне это нужно?

- Кто говорит? – вскочил Сницаренко. – Ты сам на себя не наговаривай! Твоя кандидатура, прежде чем ты стал бухгалтером, не беспокойся, брат, согласована, где нужно!

- Ну, тогда Илюшу Балашова!

- В общем, на курсы я не поехал. Вместо меня направили рекомендованного мною счетовода Илью Балашова. Мишка Пятницын, догадываясь, что кандидатура выдвигалась и утверждалась не без моего ведома, добавил к первой злобе ещё одну, хотя и не показывал совершенно вида. Истинную же причину, то есть намёк Сницаренко на его, Мишкину, причастность к духовному званию, ставшую помехой его командировки на курсы, я от Мишки, не желая его расстраивать, скрыл.

Не ушёл я искать место и в город, как советовала мне Наталья.

15

Вовлечение в колхоз всего населения и подготовка к весеннему севу шла полным ходом. Укомплектованные новоиспечёнными колхозниками кузнечные, плотницкие, шорные и другие подсобные мастерские колхоза работали круглые сутки, готовя новый и ремонтируя старый сельскохозяйственный инвентарь. Комсоды заседали день и ночь и не выпускали из своих штабов колеблющихся до тех пор, пока те не подписывали стандартного бланка заявления о вступлении в колхоз всей семьёй со всем живым и мёртвым инвентарём и виноградником.

Какая же тут, к чёрту, добровольность, когда у них и бумажки на вступление уже отпечатанные, готовые, заранее побеспокоились, - вполголоса между собой обменивались люди, выходя из помещения комсода.

Дворы раскулаченных и высланных кулаков превратились в дворы колхозные. Туда стаскивали описанный инвентарь, приводились волы, лошади. Туда гнали коров, свиней, несли кур, уток, гусей. Везли сено и солому. Около этих дворов собирались хозяйки и, рыдая, просили отдать хоть одного поросёнка, хоть одну курицу. Над их слезами и просьбами подшучивали колхозники-мужчины и сами мужья:

- Ну, чего ты, дура, ревёшь? Ты пойми, какая житуха наступает – ни тебе рано вставать доить и прогонять в табун твою Лысую, ни тебе беспокоиться гладыши подбирать. Возьмёшь махотку и сапетку и придёшь в каптёрку под всё готовое.

- Чтоб вы провалились, проклятые, со всем вашим готовым, - ругались тётки, - ну, где это было видано? Ну, коней и быков ишшо туда-сюда! А коров-то, курей, утей, поросят пошто трогают? Ведь попередохнуть же, как пить дать! Разве за ними будет такой уход, как дома? Да и кто будет ухаживать?

16

Придя утром третьего марта на работу, я был удивлён необычным скопищем колхозников на нашем конторском дворе. Толпа колхозников, окружив незнакомого мне чтеца с газетой в руках, внимательно слушала. Я подошёл к первому попавшемуся дядьке и спросил, в чём дело.

- Да ты разве не слышал? Колхозы к едрёной матери! Сам товарищ Сталин пишет, чтобы, значит, не загоняли насильно в колхозы и не отбирали ни коров, ни чушек. Да и быков с маштаками.

Я поспешил скорее в контору. Передняя к кабинету председателя комната была битком набита взбудораженным народом. Все стремились попасть к Сницаренко, но из-за толчеи не могли. Из прокуренного кабинета слышался только его голос, но что он говорил, я не расслышал и прошёл к себе. Из моих ребят ещё никого не было, а меня разбирало любопытство скорее узнать, что же всё-таки произошло? Я только хотел выйти и послушать хоть через головы, что говорит Сницаренко, как в эту минуту вошёл Мишка Пятницын. Злорадно улыбаясь, он поздоровался со мной, достал из кармана свёрнутую в трубку газету и протянул её мне:

- На, почитай!

Это был воскресный, от второго марта, номер нашей краевой газеты «Молот». С нетерпением я развернул его, и на первой же странице сразу бросилась в глаза статья под крупным заголовком «Головокружение от успехов».

Станица взбудоражилась. Неустойчивая часть колхозников, особенно колхозницы, целыми толпами шли в правление и требовали возврата заявлений, подписанных их мужьями о вступлении в колхоз всей семьёй.

- Нехай, чёрт, если ему нравится этот бардак, идёт в него один, а я с детьми не хочу в эту сатанинскую собачью свадьбу, - кричали особо смелые казачки, обвиняя мужей в поспешном соглашательстве, хотя все знали, что эти мужья и науськивали на такие выкрики своих бедовых жён.

Из правления кидались осаждать колхозные дворы и, не говоря уже о коровах, свиньях и курах, стали уводить волов и лошадей.

В первые минуты правление растерялось. Эта статья, действительно, явилась для всех увесистой дубиной по голове. Но, опомнившись, стали звонить в город, требуя чётких и ясных указаний, что делать. Из города пришёл ответ: обобществлённых коров, свиней и птицу немедленно возвратить в организованном порядке. Рабочий скот, семенное зерно, фураж и инвентарь до особого указания сохранить любыми средствами в полной неприкосновенности и не позднее сегодняшнего вечера созвать экстренное собрание колхозников, на котором со всей серьёзностью поставить вопрос о всёй нелепости срыва посевной компании, если, паче чаяния, колхозники всё же будут настаивать на роспуске колхоза.

Поэтому, когда те же бойкие бабёнки попытались взломать на амбарах замки, чтобы растащить семенное зерно, правление и совет быстро организовали охрану из коммунистов, комсомольцев и стойких колхозников, вооружив для острастки

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

незаряженными, конфискованными у кулаков дробовиками, обещая раздать зерно только после того, как об этом будет принято решение на общем собрании.

- Какое ишшо, к едрёной матери, собрание? – кричали люди. – Насильно тянули в колхоз? Тянули! Коров, поросят и курей делали общими? Делали! Сараи и амбары позабирали? Позабирали! До куреней добирались? Добирались? А в газете что? Что товарищ Сталин пишет? А? Правильно пишет, что у вас позакружились дурные головы!

И всё-таки правлению удалось уговорить колхозников разойтись по домам до общего собрания, на котором будет обсуждаться эта статья и будет решаться вопрос – быть или не быть колхозу.

Изучая статью, правление заседало весь день. Во время обеденного перерыва, когда мы с отцом сошлись за столом, отец, покачивая головой, усмехался:

- Ну, и задал нам головоломку товарищ Сталин. На что уж Сницаренко и Белоус (секретарь колхозной партячейки) такие заядлые партийцы, и они недовольны. Прямо открыто говорят, что письмо слишком преждевременно. «Надо, говорят, отсеяться, а потом уже думать что-то другое. А то определённо может сорваться сев». А мы им говорим: «Нет, письмо как раз своевременно. А то бы не только сорвался сев, но и головы кое с кого бы тоже сорвались»

Я понял, на что намекал отец. Значит, и он кое-что знает. Но допытываться не стал, не желая создавать в семье группу что-то знающих.

Вечером в избе-читальне при громадном скоплении не только колхозников, но и не успевших вступить в колхоз единоличников открылось общее собрание станицы. После зачтения статья разбиралась по каждому пункту в отдельности. И по каждому пункту возникали бурные прения, гневно осуждающие методы вовлечения в колхоз и обобществление того, что сейчас осуждалось в статье. Некоторые поняли эту статью как указание высшего органа не очень-то стремиться создавать колхозы и требовали распустить то, что было уже создано. Иные рекомендовали колхоз оставить, но только исключительно из настоящих добровольцев и землю колхозу нарезать не самую лучшую и вблизи станицы, а по жеребьёвке – где достанется.

Сницаренко, Белоус, другие партийцы и актив колхоза призывали к тому, что сейчас, перед самым севом, никакого роспуска колхоза и передела земли производить не следует, так как это будет равносильно самоубийству, а сначала засеять всё то, что намечено колхозным планом, а потом уже думать и что-либо решать.

Собрание разошлось часа в четыре ночи. И всё же большинством голосов была принята резолюция: «Колхоз не распускать. Заявления о принятии в колхоз не желающих оставаться аннулировать, возвратить рабочий скот и инвентарь. Семенное же зерно и фураж возвратить накануне сева, обязав под расписку засеять всю установленную сельсоветом норму. Остальное – всю обобществлённую птицу, свиней коров, мелкий рогатый скот и овец - возвратить всем без исключения. Закрепить на бессрочное индивидуальное пользование за хозяевами все приусадебные участки. Нарезать индивидуальные огороды в лугу».

Страсти улеглись. Вышедших из колхоза по обеим станицам насчиталось дворов с полсотни.

17

Семёна с того вечера я близко, один на один, не встречал, да и избегал этой встречи. Я боялся услышать от него что-либо ещё новое, ещё более страшное.

Но на другой день после собрания вечером я сам зашёл к ним. Семён своей работы ещё не закончил и торопил девчат-колхозниц, триеровавших тут же, под сараем, против амбара, семенное зерно.

Приняв последний пуд очищенной пшеницы, Семён отпустил девчат, повесил на амбар замок и пригласил меня в курень:

- Идём, сейчас придёт Яков Павлович и будем ужинать. Поужинаешь с нами.

«То жид, то Яков Павлович – ничего не понимаю», - подумал я, но о том деле не спросил ни слова. Семён тоже молчал. Почти следом за нами в дом влез Сницаренко.

- О, и бухгалтер тут! Семён Михайлович, прошу за мой счёт пару бутылок пухляковского, надо же угостить своего бухгалтера, чтобы лучше считал, - шутил Сницаренко, потирая по своей привычке руки.

Но дядя Семён и без этой просьбы уже моргнул Сёмке, и тот принёс и поставил на стол двухлитровый графин вина. Нельзя сказать, чтобы Семён Михайлович, ожидая со дня на день приказа собираться с насиженного места, подобострастничал перед Сницаренко, стоявшему у них на квартире, чтобы в случае чего иметь какую-то «руку». Просто он был человеком хлебосольным и никогда не чуждался никаким гостем, кто бы он ни был, хотя, конечно, предпочитал равных себе по возрасту. Постоялец, со своей стороны, был деликатен и вежлив с хозяевами и ничем не выдавал своей осведомлённости о них не только как о зажиточных середняках, но... и о готовящейся им судьбе.

За этим ужином Сницаренко выпил только один винный стаканчик, а от остальных категорически отказался.

- Вот тебе раз, просил вина, а сам не пьёт, - упрекнул его Семён Михайлович.

- Нельзя, нельзя! Вы же сами знаете, Семён Михайлович, что нельзя. У вас тут народ такой, что на копейку промахнёшься, а на рубль припишут. Сразу же стукнут, куда не следует, что двадцатипятитысячника спаивает кулак. Мне неприятно, а вам – тем более. Пусть вот пьют молодые люди, а графин весь запишите за мной.

Слово «кулак» он произнёс с иронией, чтобы не обидеть дядю Сёму.

Разговор за столом вертелся всё вокруг той же статьи «Головокружение от успехов».

- Здорово, здорово обрезал нам крылья Виссарионович, - смеялся Сницаренко, - и сам дьявол не поймёт: здесь спускают одни директивы, центр думает по-другому. Но станичники ваши – замечательный народ. Я думал, что после этого письма сразу все разбегутся, а отсев – ерунда! Меньше пяти процентов. Как вы думаете, Семён Михайлович, почему это так? Сталин подтвердил исключительную добровольность, а из колхоза не бежит почти никто, когда, нечего греха таить, вступали в него, мягко выражаясь, без особой охоты.

- Да куда же от вас денешься? – шуткой на вопрос Сницаренко ответил дядя Сёма.

- Ну, а всё-таки?

Я так думаю, Яков Павлович, народ сгоряча кинулся растаскивать быков и зерно, а потом одумался – а где же сеять? Ведь не все же побегут из колхоза. Значит, колхоз будет существовать. А раз будет существовать, то ему будет предоставлено право брать всю самую лучшую землю от станицы и дальше, сколько сдюжит. Это, считайте, самая мягкая, уже обработанная земля до самой Мокрой балки. А за балкой – там уже залежь, солонцы, трудная для обработки, тем более единоличнику, земля. Притом, самое главное, неподелённая, ничья. Значит, её нужно сначала поделить между неколхозниками, а делить-то некогда. Пока суд да дело, время сева и упустят. Да и те, что выскочили, вот посмотрите, придут проситься обратно.

- Вы думаете?

- Конечно, так и будет!

Посидев немного, я стал прощаться. Семён вышел меня провожать. Мне не терпелось расспросить Семёна, но я не решался. Но, словно угадав мои мысли, Семён заговорил сам:

- Да, наделал делов своей статьёй этот грузин.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Да, здорово обил крылья всем уколовым и уполномоченным, - не понял я, что Семён имел ввиду.

- Да я не про то! То – обман! Я про другое. Казаки наши заартачились. «Зачем, - говорят, - нам теперь против кого-то подниматься? Сталин сам даёт вольную житуху. Хочешь – иди в колхоз, не хочешь – ковыряйся в земле один». И наше дело почти разваливается. Но я думаю, Андрей, что это Сталин ослабил вожжи временно, а потом так их натянет, что задохнёшься.

У меня отлегло от сердца то, что в течение нескольких дней давило невыносимо тяжёлым гнётом мою волю и сознание. Из коротких слов Семёна я понял, что организация, если таковая существовала, распадается. И распадается именно из-за этой статьи. Народ увидел, что насильственная коллективизация исходила не от центральной власти, а от местного руководства или по недопониманию, или от излишнего усердия выслужиться, или сознательно, чтобы вызвать недовольство и обострить отношения с властью.

- Сёма, ты меня извини, но вот что я хочу тебе сказать. Напрасно ты, при таком вашем шатком положении, связался со всей этой братией, которая до добра не доведёт. Человек ты малограмотный, ни книг, ни газет не читаешь и что делается на белом свете, не знаешь…

- Вот кабы таких грамотных, как ты, было бы поменьше, - перебил меня Семён, и в его словах послышалась такая же злоба, как тогда у Дениса, - так этой хреновины никогда бы не было!

Меня взорвало:

- Так ты считаешь, что если я немного грамотней тебя, то это нехорошо? Тогда зачем твой дед учил своих двух сыновей – твоих дядей и внука – твоего брата – на попов? Значит, когда твои дяди и твой брат грамотны – это хорошо, а когда грамотный кто-то другой, то это скверно?

- Попы другой грамотности. Они этой ерунды не придумывали.

И хотя мы на прощанье пожали друг другу руки, я почувствовал, что между нами встала отчуждённость.

18

Наступила весна. Всё жарче и жарче припекало солнышко, сгоняя последние остатки снега из ложбин, балок, с притоптанных мест, из пожухлых зарослей прошлогоднего бурьяна. Разливался по своим поймам Дон. По-весеннему ревел на базах обобществлённый и необобществлённый скот. По-весеннему кричали петухи. Как и год тому назад, пять, десять и, наверное, сто лет тому назад, по берегам Варгунки и Аксая охотились с вентерями на щук и язей равнодушные ко всяким колхозам отработавшие своё старики-рыболовы.

Правление ежедневно высылало на поля и виноградники разведчиков проверять готовность почвы. Первым делом пошли штурмом на разбитые на четыре бригады виноградники, так как защищённая с севера южным склоном земля прогрелась здесь раньше полевой. На виноградники вышла даже часть колхозников, прикреплённых к полевым бригадам. Наташка моя тоже работала на виноградниках.

В поле выехали третьего апреля. В этот же день Сницаренко пригласил меня проехать с ним по степи, посмотреть, как идёт первый день колхозного сева. Я охотно согласился, так как в такой замечательный день в конторе просто не сиделось. Меня неудержимо тянуло туда, куда в это время года я привык ездить с детского возраста.

Поднявшись до Большого Кургана, мы остановились. Отсюда почти вся колхозная степь была видна так, как с нашего дворового бугра был виден весь луг до Багаевской.

Работа была в полном разгаре. Вся тягловая сила была брошена на боронование доставшихся от единоличников клочков зяби. И степь в это время напоминала такой же, как и всегда в это время, муравейник, но только уже с заметным новшеством. Вместо одной-двух борон при единичном бороновании сейчас ходило сразу до десятка борон, одним взмахом боронуя по полгектара. На больших массивах, не тронутых ни озимыми, ни зябью, ходили один за одним по несколько плугов, по две пары волов в каждом.

«Да ведь это же подобное тому, что было и раньше, - подумал я, - ведь спокон веков дворы по два-три супрягами пахали землю, но, правда, каждый знал свою. Сообща косили сено, сообща метали копны, а потом уже делили. Всем обществом ремонтировали дороги, паромную переправу через Дон. Всем обществом тянули волокушу (ловили неводом рыбу), а потом весь улов делили по едокам между станичниками. Ведь на самом деле, всё это не так уж и страшно, а так просто и легко, тем более, что это было, было!»

Мне стало как-то радостно и легко на душе и вместе с тем немного неловко оттого, что я не принимаю непосредственного участия в этой «лёгкой» работе, а отсиживаюсь в конторе…Но разве я не пахал в поте лица своего, не ставил сох на виноградниках? Да и сейчас не прочь, не очень-то я и держусь за эту контору. Ведь я же не сам в неё влез, а меня пригласили, можно сказать, заставили.

Кроме того, радостному моему настроению способствовало и сознание того, что то страшное, о чём меня предупреждал двоюродный брат, не произойдёт. Не произойдёт оттого, что товарищ Сталин в своей статье, а также постановление ЦК партии «О борьбе с искривлением партийной линии в колхозном движении» с предельной ясностью разъяснили, что все перегибы, которые допускаются на местах, ничего общего с линией партии не имеют. Что, возможно, тут работала классовая агентура, чтобы дискредитировать курс партии на сплошную коллективизацию, подорвать доверие к советской власти, настроить население против неё и в определённый момент поднять мятеж, как в восемнадцатом году.

Лёгкость в душе и радостное чувство не покидали меня всё время, пока мы с Сницаренко объезжали степь. Побывали во всех бригадах и на всех станах. На одном стане даже обедали. Нас угостили простым полевым супом – кондёром, необычайно вкусным на свежем степном воздухе. Сницаренко от удовольствия потирал руки и просил научить, как варится такой вкусный полевой суп.

- А вы вот пройдите за плугом раз десять, потом налейте в котелок воды, бросьте в него пшена, накрошите сала, посолить не забудьте и всё это – на горнушку. И пока эта смесь будет вариться, вы ещё разков пять обойдите с плугом загон. Вот и весь рецепт, - шутили колхозники.

- Да я и не ходил за плугом, а ничего более вкусного никогда не ел.

После отъезда из одной из заплавских бригад радостное моё настроение сразу сменилось на самое гадкое. Проезжая мимо двух упряжек волов, отдыхающих у дороги, мы ясно услышали брошенную нам вдогонку реплику:

- Это, значит, помещики, а мы их крепостные. Ну, погодите, будет вам, этим новым панам!

Сницаренко толкнул меня в бок:

- Слышал? Кто это такие?

Я их не знал. Не знал и наш кучер Кондрат. Сницаренко хотел, было, остановиться и спросить их фамилии, но отговорил Кондрат:

- Да ну их к чёрту, Яков Павлович! Разве мало дураков? Ну, запишите, а дальше что?

- Как что? На общем собрании протянем так, что жарко станет!

Кондрат расхохотался.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

Сницаренко попросил его остановиться, достал из кармана блокнот и что-то в него записал. На меня это подействовало очень неприятно. Зачем, действительно, связываться с дураками? Не тронь, оно и вонять не будет.

- Если это не недобитое кулачьё, то определённо его охвостье, - ворчал Сницаренко. – Вы, Кондрат, говорите, что это дураки и на них не стоит обращать внимание. Вот как раз-то такие дураки и могут накуролесить такого, что потом всем умным исправлять будет поздно. Нет, оставить это просто так никак не можно! И кто они такие, всё же узнать нужно. А ну, Кондрат, правьте вон к той упряжке.

К межевой линии, по которой мы ехали, подходили один за одним несколько плугов. Плугари-молодёжь остановились на полосе и чистили лемеха.

- Здравствуйте, хлопцы, слезая с дрожек, поздоровался с ними Сницаренко.

- Здравствуйте, товарищ председатель!

- Не величайте меня «товарищ председатель», а просто – Яков Павлович! Ну, как дела?

- Хорошо, Яков Павлович, вот только немного сыровато.

- Так это же хорошо! Значит, земля не пересохла?

- Куда там - пересохла?! Видите, как налипает на лемеха?

- Ничего, хлопцы, как-нибудь управимся. А если дожидаться, пока высохнет, так вы же сами тогда мне первому голову свернёте. Ведь так, бухгалтер?…Скажите, ребята, кто это вон пашет – две упряжки? – указал Сницаренко на тех, кто бросил нам вслед злобную реплику.

Ребята назвали четыре фамилии.

- А зачем это вам?

- Да так, нужно. Спасибо! А как ваши фамилии?

- Да зачем вам?

- Вот чудаки! Да надо же мне знакомиться с вами?!

- Да, это так!

Ребята назвали свои фамилии.

Всю дорогу до станицы Сницаренко полушутя, полусерьёзно выражал недовольство:

- И надо же было мне, дураку, напрашиваться самому на работу в этот ваш бандитский край. Не зря меня ещё в крайкоме отговаривали. «Куда, - говорили, - Сницаренко, тебя несёт? Ведь там, куда ты просишься, исключительно казачество. А казачество ух как не любит жидов. А ты, - говорят, - хоть и выкрест, а всё равно еврей. Езжай к хохлам, в Родионо-Нецветаевский район. Хохлы не такие забияки, как казаки»…Я, конечно, шучу, но мне почему-то кажется, что у вас какая-то настороженность, какое-то недоверие, неприязнь и не только ко мне лично, но и ко всему, что делается. Так и кажется, что все говорят одно, а на уме каждый держит что-то другое.

Я старался рассеять его сомнения, хотя сам чувствовал, что Сницаренко прав. Настроение моё окончательно испортилось. «Донесёт Сницаренко! Обязательно донесёт, и тогда неприятностей не оберёшься», - думал я по дороге домой. Я не любил быть свидетелем.

После ужина, сославшись на усталость, на вечернюю работу я не пошёл и лёг отдыхать.

19

Весна окончательно вступила в свои права. Широким морем разлился Дон. Зазеленели изумрудом высокие, не залитые вешними водами, грядины на которых по

старинке бродили мелкий скот и «худоконница», которая появилась в каждой полевой бригаде.

Колхоз закончил сев яровых и приступил к пропашным – кукурузе и подсолнуху. Раздав всё семенное зерно, Семён теперь работал в поле в качестве водовоза, подвозя на станы питьевую воду из колодцев бочками на пароконной подводе. С той размолвки мы ни разу не встречались, а мне очень хотелось его повидать и посмеяться с их «дела». Но из-за болезненного самолюбия я сам на эту встречу не шёл, а выжидал, когда он меня затронет первым. Но он, по-видимому, выжидал тоже.

Не выдержал он. Так же, как и в первый раз, он как-то вечером пришёл к нам, посидел немного и вызвал меня во двор проводить его.

- То дело, Андрей, не умерло, - начал он сразу без обиняков, когда мы спустились с крыльца, - в ночь под первое мая, когда коммунисты будут проводить свои торжественные собрания, вспыхнет восстание.

Не ожидавший ничего подобного, я перепугался.

- Чего ты брешешь? Не может быть! Откуда ты это знаешь?

- Стало быть, знаю! Знаю даже, что скоро у них на днях будет тайное совещание за Долгим (рукав Дона). Там будут представители из Ростова, из самого ГПУ, будет командир двадцать пятого Новочеркасского полка, будут наши уполномоченные, будут делегаты из верхних станиц и будет, знаешь кто? Есаул Сенин.

- А что это за есаул?

- Вот это здорово! Ты что, не слышал про Сенина? Это тот, что тогда, в восемнадцатом году, расстрелял отряд Подтёлкова…Ну, вот, там, на этом совещании и решат окончательно, в какие часы и по какому сигналу выступать.

- А кто из наших участвует на этом совещании?

- Нельзя говорить, секрет!

- Ну, а вообще кто участвует в этом выступлении?

- Да все!

- И ты?

- Я тоже. Я на подводе с харчами, а остальные разберут по бригадам коней и айда!

- А куда же «айда»?

- Как куда? На город, конечно!

- А дальше?

- А дальше видно будет. Это уж у командиров нехай голова болит.

Я совершенно оправился от страха. Всё это мне показалось таким смешным, таким нелепым, такой детской забавой, что я расхохотался:

- Ну, и дураки же вы. Да вы в ГПУ уже давно на крючке все! Вас, этих, с позволения сказать, заговорщиков, провели, как детей! «Представители ГПУ», «командир двадцать пятого полка», «есаул Сенин»! - иронизировал я. – Шляпы вы, а не заговорщики! Мой тебе совет: пока не поздно, сматывай удочки из станицы хоть на время. Возьми в совете справку, если только дадут, и беги! Беги пока хоть в Шахты, иначе будешь на Соловках. Да и мне не сдобровать, что связался с тобой, будьте вы трижды прокляты, идиоты! - ругался я. - Ведь когда вас припрут к стенке, вы не пожалеете и отцов родных, вы выдадите всех. И не только тех, кто участвовал в этой вашей проклятой организации, но даже того, кто знал о ней.

- Не пужайся! Знал бы, не связывался бы с таким трусом! Это вот ты, пока не поздно, если так трусишь, сматывайся сам, пока не попал под горячую руку.

Семён ушёл обиженный, а я вернулся в курень и виду не показал, что расстроен. Но, когда легли спать, Наташка спросила:

- Чего это он являлся? Опять с какими-нибудь новостями?

- Да всё те же новости! Провалились бы они все!

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

- Знаешь, Андрюша, я ишшо утром хотела тебе сказать, да ты рано ушёл. Нынче утром, когда я прогоняла коров в табун, так слышала от баб, что под первое мая что-то затевается. Ты бы что-нибудь сделал! Напрасно ты не поехал в Ейск на курсы!

- Ейск, Наташа, это Кубань. А там ещё хуже. Знаешь, как там народ жил? Если их сейчас также прижали с колхозами, то там – порох! Понимаешь, порох! Одной малюсенькой искорки достаточно для большого взрыва. И каково тогда будет курсантам? – убеждал больше я себя в правильности своего решения не ехать в Ейск, чем Наташку. - Но я думаю, что ничего этого не будет. Ведь вся эта лавочка, вся эта их конспирация давно наверняка известна в органах, и ГПУ нарочно тянет время, чтобы выявить побольше горячих натур. А в тот день, когда эти чудаки наметили выступить, их обезвредят без всякого шума. А уж день этот им, конечно, тоже известен.

20

Но хотя я и успокаивал себя такими своими предположениями, а на душе у меня всё равно было неспокойно. «Интересно, знает об этом Мишка или нет?» – подумал я и решил вечером после работы наводящими вопросами выведать его осведомлённость в этом деле и каково его об этом мнение.

Последнее время мы возвращались из конторы после вечерних работ всегда вместе, но, дойдя до своего двора, Михаил протягивал мне руку, и мы расходились. Сегодня я предложил:

- Если спать особенно не хочется, Миша, пойдём на «венцы», полюбуемся разливом. За работой так некогда и посмотреть. Тем более что ночь лунная.

Мишка охотно согласился, и мы пошли на то место «венцов», где когда-то, в дни безвозвратно канувшей в вечность юности, мы с Жоркой после шумных, беззаботно-радостных забав и развлечений на «улицах» предавались приятному отдохновению. Отсюда мы гоняли «ведьму», доившую Жоркиных коров. Здесь мы строили планы покорения девичьих сердец. Здесь мы намечали ребячьи проказы и под жуткий шелест листьев высокой раины, когда ещё не хотелось спать, рассказывали страшные небылицы про мертвецов.

Сейчас же, умаявшись в степи (Жорка работал в полевой бригаде), он, наверное, сладко спал, а мы с коллегой, проёрзав на табуретках длинный весенний день, сейчас бодрствовали и любовались природой.

Отсюда весною, особенно при лунном освещении, открывалась волшебная панорама весеннего разлива Дона. Спокойно и величаво, разлитые от подножья бессергеневских высот и до самого задонского горизонта, обтекая верхушки верб, пересекаясь серебряной, проложенной полнолунием дорогой, струились его вешние воды, и от них плыл извечный весенний концерт их обитателей.

- Да-а-а, картина! – остановился Мишка. – Есть ли где на свете виды, красивее этого? Ты думаешь, Андрей, я не хожу сюда и не любуюсь? Да почти каждый день! И знаешь, любуясь этой красотой, особенно когда светит месяц, невольно вспоминаешь поэтические строки из «Полтавы»:

Тиха украинская ночь,
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не может воздух. Лишь трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет…

Здорово ведь сказано, да? И над нашей белой церковью тоже луна сияет, и около неё тоже растёт тополь. И вся эта красота природы как-то гармонирует со всем этим

вековым укладом жизни. Луна, тишина, разлив, концерт лягушек, звонкие девичьи песни, пьяные деды, разыскивающие свои хаты, тявканье сонных собак, ухающая где-то выпь, скрип лодок запоздалых рыбаков и многое другое. Всё это было чем-то неотъемлемым от той жизни, которой жили до сих пор мы и которой жили века наши пращуры, прадеды, деды и отцы. А сейчас? Именно сейчас, в этот год? Сейчас и луна как-то не так светит, и не так кричат лягушки, и девок с ребятами не слышно по улицам. Всё это придавлено, угнетено, все чего-то боятся.

- Может быть, потому что пост?

- Я знаю, но всё равно что-то не так. Пост постом, а бывало, и в пост, только что без гармошек радостного весеннего гомона сколько было по станице? Ты меня, Андрей, извини, но я хочу продолжить сейчас наш разговор, которого ты тогда так испугался.

Я обрадовался, что этот щекотливый разговор Мишка начал первый.

- Так вот, - продолжал Мишка, - ты несколько раз ездил с нашим управляющим (так он называл Сницаренко) по нашим новым, колхозным, полям. Ну, и как тебе нравится этот новый, коммунистический труд новой коммунистической эры? Каково твоё впечатление?…Впрочем, какое у тебя может быть впечатление, когда ты сам не участвуешь в этом труде, попросту говоря, не вкалываешь. А вот тот, кто вкалывает и вкалывает бесплатно, тот, наверное, сказал бы, какое его впечатление, когда вместо оплаты его труда ему ставят на бумаге палки, обещая рассчитаться когда-то, как попы обещали царство небесное, но только на том свете…Да вот возьмём мы самих себя. Ты, вот, работаешь в колхозе с января, а сейчас конец апреля, значит, почти четыре месяца. И скажи, получил ли ты за свой труд хоть копейку? Нет, конечно. Тебе тоже пишут палки. Не знаю, как тебе, Андрей, а мне не нравится всё это. Всё это чуждо нашей казачьей жизни, нашему укладу. Эта их затея нашему Дону не подходит. Её, может быть, ещё можно было бы применить где-нибудь в центральных губерниях России, где малоземелье, где народ ещё не очухался от крепостного права и ему не привыкать гнуть спину на кого-то. А наш народ, наше казачество не выдержит. Потерпит, потерпит, а потом как взбунтуется. Вот тогда и берегись. Это будет пострашней, чем в восемнадцатом. Оно уже и сейчас поговаривают. Ты ничего не слышал? Нет? Уже ходят разговоры, что есть какая-то организация. И не только вообще, а даже и у нас в станице.

Сделав удивлённое лицо, я пожал плечами:

- Организация? Что за организация?

- Понимаешь, позавчера приходит моя благоверная из табуна и говорит мне ужасные вещи. «Знаешь, - говорит, - что болтают бабы? Под первое мая, говорят, будет переворот, восстание против колхозов, против комсодов, против комбедов».

Я решил, что ломать комедию дальше не стоит, нужно признаться Мишке, что я тоже кое-что знаю. И знаю не только от баб в табуне, а и из других источников.

- А-а-а, вон ты о чем? Об этом я тоже слышал, мне об этом говорила не только моя Наталья, но и Семён Ермаков. Но я, Миша, считаю всё это за бабьи сплетни. Не может этого быть! Чепуха! Кто теперь на это пойдёт? Столько разъяснений, столько статей и вдруг такое? Да и из-за чего, собственно?

- А я верю. И верю вот почему: народ, несмотря на все эти статьи, видит, что всё это – сплошной обман. Это пока попускают вожжи, а потом как прижмут, так всё аж запищит. Отберут всё: и коров, и свиней, и птицу, и огороды, чтобы заставить людей работать в колхозах. И ты понимаешь, в чём беда? Раз они заварили эту кашу, у них другого выхода нет. Ведь, имея всё это в личном пользовании, как и раньше, люди, а особенно женщины, не очень-то с большой охотой будут стремиться к колхозному труду, так как там пока пишут одни палки, а домашнее хозяйство – это уже реальное молоко, яйца, сало, мясо, картошка. А всё это – те же деньги. Колхозам же рабочая сила нужна во как, - Мишка провёл ребром ладони по горлу, - ведь он, колхоз, замахнулся на

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

очень большие дела. Тут и колосовые, и пропашные, и бахчи, и виноградники, и всевозможные огородные культуры. И всё в поистине необъятных количествах. Хлеб, может быть, ещё кое-как и уберут, а большинство огородов погибнет. А виноградники? Урожай-то с грехом пополам, может, и снимут и что продадут, что на вино пустят, но вот лозы-то, лозы? Ведь это же очень трудоёмкая работа – обработать лозы и закапать их на зиму в землю. Единоличник хватал эту работу, как говорится, и ртом, и носом. И я больше, чем уверен, что добрая половина виноградников останутся необрезанными и незарытыми в землю, а значит, и погибшими. Вот такая неуправка и заставит наше руководство отобрать у людей всё, чтобы принудить этим идти работать в колхоз всех трудоспособных членов семьи. Народ это понимает и поэтому недоволен…И если что случится, наша с тобой, Андрей, доля незавидная. Народ обозлён и в каждом мало-мальски нахлебнике, то есть не участвующем в непосредственном физическом труде в колхозе, каковыми являемся и мы с тобой, видит своего врага, виновника ущемления его интересов. Так что, не дай Бог, какой заварушки, нам с тобой голов не сносить!

- А что же делать?

- Если это достоверно, что в ночь под первое мая что-то должно случиться, давай с тобой смотаем удочки в город, вроде на праздник, и там переживём события. Важно переждать первый момент, а потом уже будет не так страшно. Остановиться нам есть где.

- В город, Миша, тоже не дело. Помнишь восемнадцатый?

- Тогда было одно, а теперь – другое. Тогда считали виновником город. Теперь же в нарушении вековой тишины и спокойствия, векового уклада жизни, в ущемлении самобытности казачьей жизни каждый видит врагов прежде всего в станичной среде. Народ считает, что законы и указания верховной власти искажаются в ущерб населению на местах местными большими, а чаще всего начальниками малыми – беднотой и батраками, причём, только из корыстных целей – поживиться за счёт тружеников.

В конце концов, мы договорились уехать тридцатого апреля в Ростов, предупредив об этом только своих жён.

Перед тем, как расходиться, на Мишку опять нашло лирическое настроение.

- Знаешь, Андрей, не хочется уходить от такой красоты. Хочешь, я почитаю тебе несколько стихов о нашем родном крае, которых ты, возможно, и не слышал? Я недавно раскопал в одной книжонке. И знаешь, меня удивило: и тогда, оказывается, лет сто тому назад, тоже были недоброжелатели Дона, причем из знатной среды. Была такая поэтесса, графиня Растопчина. Слушай, что она написала про Дон:

Ты ль это Дон? Какой ничтожный,
Как мелок, как спокоен ты!
О, сколь ошибочны и ложны
Рассказы шумные молвы!
Тебя ли, Дон, не величали
Преданья, песни прежних дней.
Тебе ль отцы не повторяли
Приветы дедовских речей?
И что ж теперь? Ты в ложе узком
Безжизненным болотом спишь.
Ты не бушуешь, не кипишь.
Ты дряхл и хил. Ты в царстве русском,
Цветущем жизнью молодой,
Противосмыслен, Дон седой!
Увы! Не то же ли бывает
Меж человеческих сынов?

Не так ли слава с облаков
На недостойных ниспадает?
Толкует свет, толпа кричит,
Гремит хвалой в ушах любимца,
А на поэта-нелюбимца
Главой кивает и хулит.
А ты, непризнанный, забытый,
Недосказавшийся певец,
Твой лавр созреет знаменитый.
Потомство правдою своей
Воздаст тебе, воздаст обильно!
Подумай, славный Дон бессильный:
Ведь не воспеты средь степей
Текут Урал и Енисей.

- А вот теперь послушай ответ Дона. Автор – наш донской казак, поэт Сухоруков.

За что, скажите, нет привета
Мне от прекрасного поэта?
Чем заслужил я злой укор?
За что, негодованья полный,
Он на мои седые волны
Нанёс неправедный позор?
Тогда как я меж берегами
Зеркальный ток кристальных вод
Без шума, бурь и непогод
Ковром развёрстывал пред вами.
И как послушно, кротко тих
Ваш утлый чёлн катил на них?
Меня вы славить не хотите!
Я дряхл и хил, вы говорите.
Не хил, не дряхл, а древен я,
Во времени мне нет преданья,
И вечность – летопись моя.
Я – современник мирозданья
И недвижим я с этих пор,
Как говорит мне ваш укор.
О, как я грозно разливался
И часто грозно я шумел
Бессмертной славой русских дел
И, как они, не истощался!
Не я ль ярмо татарских сил
В своих волнах похоронил
И Русь святую возвеличил?
Не я ль преграду протянул
И безнадёжно ограничил
Черкесской вольницы разгул?
И нашу Родину и вас
Спасал не я ли сколько раз?
Я вам не нравлюсь. Не за то ли,
Что не даю моих я вод
На произвол мятежной воли
Ветров и буйных непогод?

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com

Что глубину мою, стремнины
Я позволяю преплывать.
И вольные мои равнины
Ладьям ничтожным измерять?…
Величьем, милостью гордиться
Я не хочу среди степей,
Как ваш Урал и Енисей,
Волной ничтожною струиться!
Вы говорите, грязен я.
Но вы видали ль, как объята
Бывает искрами заката
Моя алмазная струя?!
Не грязен я, а кроток, тих
В сиянии лучей златых!
Но вы, графиня…О, теперь
Для вас я буду лютый зверь!
Я вам отмщу за поруганье,
Когда, презрев грозу, мятеж,
Моих страстей негодованье,
Дерзнёте стать на мой рубеж.
Для вас я тишину нарушу,
Я мыслей робкой потрясу!
О! Как свирепо я завою
И хладною моей волною,
Шипящей, острой, как змея,
Вас обовью злодейски я!
Но… нет, не бойтеся, графиня:
Я мщенья не питаю к вам,
И вновь кристальною равниной
Велю упасть моим волнам.
Я понесу без бурь, смятений
К родной стране ваш милый гений
И с ним мечты кавказских гор.
И ваше нежное созданье
Я упою ваш слух и взор
Отрадою воспоминанья.
И в тишине прекрасных дум,
Наверное ваш светлый ум
Моё величие сознает,
И ваша дивная рука
Тогда роскошно увенчает
Седые волны старика.

- Ну, каково?
- Замечательно! Прямо, как Пушкин!
- А хочешь ещё про Ермака?
- «Ревела буря, дождь шумел?»
- Нет, нет, совершенно другое. Ты этого тоже не знаешь. Вот слушай:

За Уральским хребтом, за рекой Иртышом,
На далёких отрогах Алтая
Стоит холм, и на нём, под кедровым шатром
Есть могила, совсем забытая.
Много лет уж стоит и курган сторожит

Этот кедр одинокий угрюмо.
А вокруг – ни куста. Вся дорога пуста
И тиха – нет ни звука, ни шума.
Хищный вран не летит, дикий зверь не бежит
Этим местом. Здесь кроется диво.
Заколдован курган, с ним – и кедр-великан,
Что разросся так пышно, красиво.
Говорят, что под ним – великан-исполин,
И в броню, и в кольчугу одетый,
Беспокойно лежит, потому что зарыт
По обряду отцов не отпетый.
Триста лет, говорят, это было назад
Рыбаки в Иртыше неводили
И в мереже одной, здесь, на берег крутой
Вместо рыб мертвеца притащили.
Был в броне боевой, был в кольчуге стальной,
Роста страшного пойманный в сети.
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.
Но, не зная, как быть, как покойника сбыть,
Чтоб на грех не затеять бы дело,
Порешили всё скрыть и скорее зарыть
Это страшное мёртвое тело.
И с тех пор, только день
Перейдёт в ночь и тень,
Из могилы покойник выходит
И всю ночь напролёт, по холму взад-вперёд
С тяжким стоном задумчиво бродит.
Этот стон гробовой над уснувшей землёй
По расщелинам гор раздаётся,
Ужасая собой даже кедр вековой,
Что от стонов от этих трясётся.
Есть в народе молва, что порою слова
Можно слышать, к могиле склонившись:
«Я донской был казак, по прозванью Ермак,
О покое моём помолитесь!»

Замечательно! А кто автор? Уж не ты ли?

Ну, что ты, что ты? Автор подписан только инициалами А.А.Д. Кто такой этот «аадэ», не знаю.

Размещено на сайте "Казачество 15-21 вв." www.cossackdom.com